

Победитель конкурса «ЛЮБОВЬ МЕЖДУ СТРОК»

Не твоя

ИМАН
КАЛЬБИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иман Кальби

Не твоя...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64075237

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга Вторая (читать после "Она моя...")

Продолжение драматичной и чувственной истории о молодой журналистке Владе Пятницкой в Сирии. На ее долю выпадают непростые испытания, очередные переживания и искушения. Сможет ли она противостоять новому властному мужчине, ворвавшемуся в ее жизнь? Что ждет их отношения с Васелем? Какие тайны он скрывает? Чем дальше-тем откровеннее...
Внимание: присутствуют сцены насилия!!! Строго 18+
Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	59
Глава 6	69
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Иман Кальби

Не твоя...

Глава 1

Хомр, октябрь 2031 года

Было так страшно, что меня буквально выворачивало. В памяти панически всплывали страшные сюжеты пыток и расправ, которыми пестрил Ю– тьюб. В голове вертелись разные мысли... Как поступить, что делать, как себя вести, что говорить... От каждого твоего слова, жеста, взгляда, движения зависела жизнь... Лишь бы не потерять сознание.... Откуда– то появилась такая страстная тяга к жизни.. Вмиг это стало самым важным. Об этом не задумываешься, если не познаешь такого состояния...

Все случилось так быстро, что я не сразу поняла происшедшее. Так, наверное, всегда бывает. Это только в фильмах у героев неограниченное количество времени на совершение гениальных и распланированных поступков. Помню, как мы ехали с Айманом в машине Васеля. Нет, не в его Каррере, в спортивном Мерседесе, он пару раз приезжал на таком, но в основном на нем ездил Айман или еще кто– то из охранников в сопровождении Васеля. Он никому не доверял свою Карреру... Он ведь ее так любил... Зато меня в тот вечер ре-

шил доверить Айману...— Влада нервно усмехнулась, сделав очередную затяжку.

—В автомобиле царило молчание, больше пререкаться с ним сил у меня не нашлось, на сердце было слишком скверно. Именно поэтому, наверное, я не очень следила за дорогой, но даже моя отрешенность и поглощенность в себя на каком— то этапе заставила меня заметить, что едем мы каким— то совсем иным маршрутом, мягко говоря, не очень внушающим доверие. На узких безлюдных улицах, через которые мы пробирались, не было центрального освещения. Окна у подавляющего большинства домов были закрыты ставнями. Странно, почему этот маршрут, почему так долго— в принципе, газани мы по центральной трассе, уже были бы в черте самого Дамаска.— Влада глубоко вздохнула, мысленно переносясь в те воспоминания...

— Вейн раихин (араб.— куда мы едем)?— спросила она с беспокойством. Неужели Васель опять что— то придумал...

— Как куда? Не слышала, что Он сказал? К нему домой...— невозмутимо ответил Айман.

— Что— то это все мало походит на дорогу на Мальки, Айман...

— А ты у нас эксперт по дорогам? Сиди себе тихо, радуйся, что везут. Мы в Хаджр— Асвад, пригороде, скоро въедем на главную трассу...

Его слова мало ее успокоили. Она вытащила телефон из

сумки— и увидела «мертвый» дисплей. Конечно, она ведь сама его выключила, чтобы Аmani не доставала... Нажимает на кнопку— экран все такой же темный. Чертыхнулась— это особенность ее престарелого айфона, батарейка ни к черту...

— Есть зарядка?

— Нет,— сухой односложный ответ.

— Хорошо, тогда набери Васеля со своего телефона, хочу с ним поговорить...

— Не наберу,— опять односложный ответ.

— Что это означает?! Набери быстро!— Влада начала выходить из себя.

— Он не будет с тобой разговаривать. Надо было головой думать, прежде чем так выводить его из себя. Так что сиди тихо... Скоро будем на месте.

Девушка мысленно постаралась себя успокоить. Что— что, а вред Васель ей не причинит. Да, очередная драма, очередной «урок», но уж явно ничего такого, чего стоило бы бояться... В этот момент за всей жгучей обидой и ревностью ее разум нашарил в памяти его заветные слова «я люблю», которые она так чудовищно пропустила между ушей, ослепленная блеском борделей и его выходкой... «Все будет хорошо», — пронеслось у нее в голове.

Тем временем на выезде, как ей с облегчением показалось, с этого мрачного района на главную трассу, они остановились на небольшом КПП. Двое молодых солдат с автоматами, перекинутыми через плечо. Сколько таких лиц она

видела за эти месяцы. Блок— пост, судя по всему, был «летучим»— такой формат тоже был очень популярным в Дамаске. По городу ездили несколько военных машин с солдатами, которые то и дело останавливались на дорогах и проверяли документы проезжавших шоферов и их пассажиров.

Айман протянул свое удостоверение. Произошедшее потом она с трудом вспоминала в деталях. Помнит только очень громкий одиночный выстрел, сдавленный стон. Сначала инстинктивно зажмурилась и сжалась в сиденье, потом чувство самосохранения взяло верх. Быстро подняла глаза и увидела, что стреляли в Аймана, который теперь безжизненно висел своим сутуловатым туловищем на руле. Его бесчувственное тело вытаскивают из машины, на место водителя садится стрелявший и заводит машину. Как казалось, сначала он даже не заметил девушку. Она быстро оглянулась назад и увидела стоявшую с включенными фарами машину метрах в пятидесяти. В фильмах бывает по— другому, там все поступки героев умные. Ее таковыми не были. Влада выскочила из автомобиля и понеслась к той машине, моля о помощи.

Помнит только, как ноги, словно от подножки, подкосились, она резко падает на асфальт, чувствуя, как загораются от боли колени и локти. Кто— то хватает ее сзади, заламывая руки назад. Так сильно, что ключицу пронзает страшная боль. Ее связывают скотчем, предварительно заткнув рот каким— то воняющим бензином кляпом. Мешок на голову.

Она кричит так, что режет горло, но все ее потуги напрасны. Оказывается в багажнике. Это Влада понимает потом. Сначала было ощущение, что ее бросают в какую-то яму. Характерный звук- багажник закрывается. Дышать просто нечем. Только позывы к рвоте, что еще больше усиливает резь в горле. Машина трогается с места... Что происходит? Неужели Васель совсем сошел с ума- делать такие вещи! Это спектакль, направленный на ее устрашение?! Если это так, она расцарапает ему лицо!

Не знает, сколько они ехали, но через какое-то время остановились. Надеялась, что ее выпустят, но этого так и не произошло. В багажнике воняло выхлопами, воздух был крайне спертым, настолько, что, как казалось, она то и дело теряла сознание, а может, ей это только казалось... Она слышала на заднем плане какие-то разговоры на арабском, но ничего разобрать не могла. Через несколько минут движение возобновилось.

И снова бесконечная тряска... Часа три, наверное. Дорога была ужасной, вся в ухабинах, что с лихвой ощущала на себе Влада, болтаясь в железке, как мешок с картошкой. Видимо, водитель выбирал безопасный маршрут вдалеке от главного шоссе... Осознание произошедшего все более явственно накрывало ее... Как бы она ни пыталась отгонять эти мысли, убеждая себя, что это жесткая шутка Васеля, чтобы ее приструнить, было очевидно- ее похитили. И ее похитите-

ли – явно не с правительственной стороны... Когда дышать стало совершенно нечем, она снова потеряла сознание. Не знает, через сколько в итоге пришла в себя, но открыв глаза, поняла, что, наконец, остановились... У машины кто-то стоял... Несколько человек... И с ними ей предстояло познакомиться...

Влада не знала, что ее ожидало... Поэтому готовилась сразу ко всему... Была призрачная надежда, что они вдруг решат, что совершили ошибку, прихватив ее с машиной, и отпустят. А может ее ждет долгая, мучительная смерть, заснятая на мобильный... Она не молилась о том, чтобы высшие силы пробудили в ее похитителях сострадание. Она молилась только о том, чтобы ее не покинуло мужество, чтобы она не стала выпрашивать у них пощаду, теряя человеческое обличье... Чтобы жестокость и звериное варварство не пересилили в этих людях естественное начало и чтобы они не издевались над ней... Хотя бы просто дали умереть достойно и быстро... Тогда она с сожалением подумала, что надо было носить при себе яд... Быстро и легко закончить все это, чтобы не зависеть от всяких полужверей, которыми теперь кишела утопающая в крови и насилии Сирия... Только сейчас с лихвой осознала, как была глупа и наивна. Она приехала на войну, но эта мнимая спокойная жизнь в Дамаске вселили в нее убеждение, что весь этот ужас революции, проза гражданской войны, так и останутся для нее сюжетами из новостей...

Багажник открылся, что она поняла по скрипу. На девушку сразу повеяло холодным свежим воздухом, хотелось глубоко вдохнуть, но крепко связывающие ее тело веревки и тошнотворный кляп сделать это не давали... Глаза были завязаны, поэтому ничего и никого разглядеть она не могла. Кто-то громко и весело присвистнул, видимо, не ожидая увидеть ее там.

– Валид, что это?– веселый, глубокий, авторитарный голос заставил Владу вздрогнуть,– теперь к хорошим машинам прилагаются гурии (араб.– обитательницы рая)? Раздался дружный гогот.

Они говорили на диалекте, явно не дамасском, но ей было понятно. Может, на фоне страха в человеке активизируются разные способности?

– Кто эта хильва (араб.– красотка)? Бедная, посмотри, у нее руки затекли от веревок, глаза завязаны...– деланная забота, горячее дыхание у ее уха.

– Она была в машине Увейдата, когда ее угнали. Судя по всему, иностранка... Но говорит на арабском, по крайней мере, звала о помощи она на арабском...– начал серьезно тараторить мужчина. Его голос показался ей знакомым. Она слышала его в отдалении тогда, когда они в первый раз остановились на пути сюда. Редкая особенность для сирийца– картавость. Сейчас Влада пыталась сложить хоть что-то воедино. Значит, это некий Валид. В ее ситуации от незначительных деталей зависела жизнь. Она должна была впитывать все, как

губка, любую информацию...

– Зачем нам шлюха– иностранка Увейдата?– резко спросил третий голос, более истеричный и высокий.

– Русская,– виновато ответил тот, кого я определила как Валида.

– Еще и русская! Яхраб бейтак (араб.– Разгроми твой дом)! Вы о чем думали?!– начал было истерик.

– Мы ее не заметили сразу. Только когда убили водителя, рука не поднялась в нее стрелять. Она всего лишь девчонка, Карим. Я подумал, может она пригодится как заложница...– оправдывался, судя по голосу, Валид.

– Мы не будем вступать с хиялами в переговоры из– за какой– то бабы, тем более, не думаю, что эта шлюха ему особо дорога... Наши люди ведь пасли машину еще с квартала кабаре на трассе. Все понятно, кто она! Я бы убил суку! Карим, что скажешь?

Все ждали ответа главного с авторитарным голосом, судя по всему, по имени Карим. Владе показалось, что это имя она тоже уже слышала. Но ведь эти имена не редкость в Сирии... Знаете, сколько есть Васелей, Каримов, Айманов... Айман, бедный Айман, – пронеслось в ее голове,– как бы он ни был ей неприятен, не такого конца он заслужил. Никто не заслуживает вот такого конца– оказаться за секунду с дыркой в виске и вытекшими мозгами.

– Ладно, разберемся на месте,– устало от перепалки проговорил авторитарный голос,– дай только я посмотрю хотя

бы, кого вы притащили.

Влада почувствовала чей– то крепкий, но не грубый захват на своих руках. Горячее прикосновение. Руки ее захватчика были очень теплыми... А может это она так замерзла. Еще секунда– и она уже пыталась стоять на своих затекших ногах на сумасшедшей высоты каблуках. Вернее, пока не стояла, ее поддерживали.

– Вы видели когда–нибудь такие туфли?– с сарказмом сказал ее «освободитель», снимая мешок с головы. В глаза девушке ударил свет, она зажмурилась, хотелось потереть глаза, но руки были связаны. Наконец, зрачки немного привыкли к освещению.

Сбившиеся в круг мужчины смолкли, видимо, с интересом ее рассматривая. Она чувствовала их чертовы взгляды на себе... Их взгляды.

– Что же, у хияла хороший вкус,– проговорил авторитарный голос. Окружавшие ее мужчины дружно заржали.

Влада с содроганием сердца подняла глаза на стоявших и, когда увидела его, сразу поняла, где она находится...

Да, она, наконец– то, была в Хомре. А передо ней стоял человек, которого она столько раз видела в информационных сюжетах западных СМИ, в обход сирийских властей пробиравшихся в эти объятые огнем революции районы. Карим Диб... 26– летний лейтенант сирийской армии, в самом начале революции дезертировавший из ее рядов. Он

был родом из этих мест... Хомри, как называли таких местных... К тому же близкий родственник одного из основателей режима современной Сирии... Забавно... Именно против этого режима он сейчас и сражался... Это из-за упоминания его имени на нее тогда в Джерамане взъелся Васель... Это его она посчитала приятным, достойным человеком... Наверное, правда, лучше ни о чем не зарекаться, ничего не утверждать... Иначе можно вот так вот обжечься... Сейчас эта гора мускул, снисходительно пугающе смотрящая на нее из-за всей своей военной амуниции, отнюдь не казалась ей тем привлекательным, динамичным парнем, как его любили изображать в иностранных СМИ в пропагандистских целях... Многие утверждали, что он простой выскочка, преднамеренно распиаренный журналистами за видную мускулиную внешность или даже просто по дурацкому стечению обстоятельств. Кто-то говорил, что он действительно необычайной харизмы человек, имеющий природные военные и лидерские способности... Война возбуждает. Война требует героев. Война- удел молодых... Эти три факта сделали его любимчиком оппозиционной прессы, любимчиком всех тех, кто поддерживал революцию... Он был молодым, храбрым мальчиком со связями, а стал народным героем.

Влада пересилила свой страх и снова подняла на него глаза. Он стоял в зеленой военной форме, с кобурой на поясе и автоматом, перекинутым через плечо. Они встретились глазами, на секунду замерли, а потом он вдруг открыто, но

все так же снисходительно— надменно улыбнулся ей. Все, что она могла тогда— снова уставиться в пол... И она даже не знала, что ее тогда больше смутило — его наглый, открытый взгляд, наверное... Не такой, как у Васеля, совсем другой. Взгляд Васеля замораживал, парализовал. Взгляд этого человека тянул к себе, как магнит. И пугал.

Увидев ее стеснение, Карим усмехнулся, слегка коснулся ее подбородка и приподнял лицо.

— Красавица, мне сказали, ты говоришь по— арабски?

Она чуть заметно кивнула, все же не поднимая голову.

Снова усмешка и это хищный прищур миндалевидных черных глаз. На литературном арабском, намеренно говоря с ней медленно и правильно, чтобы подчеркнуть, что она иностранка, он продолжил свой диалог. Это такой местный прикол. Влада знала о нем и раньше, и сталкивалась с этим. Странно, но сами арабы не очень задумываются и ценят факт того, что человек говорит на их языке. Особенно на фусхе— литературном арабском— представляющим собой нечто схожее с древнеславянским, с той лишь разницей, что на нем все же продолжают говорить — дикторы новостных программ, политики в ходе официальных переговоров, поэты при чтении стихов...

— Я слышал, что русские женщины смелые и раскованные, а ты стесняешься меня, как хомрская малолетка в первую брачную ночь. Не нужно, не бойся меня. И их не бойся,— он кивнул в сторону остальных мужчин, гнусно хихикаю-

ших над происходящим.— Они тебя теперь не тронут. Ты под моим...надзором...

Он употребил арабское слово «сейтара». Господство... Словно она раба или колония... Влада молчала, но так и не подняла на него глаз. Ей и так с лихвой хватало тяжести его взгляда. Этот взгляд давил на нее, проникал внутрь, под одежду, словно эти большие, пропахшие порохом руки блуждали по ее телу...

— Ялла, надо доехать до нашего убежища. Извини, пока не могу развязать тебе руки. Надо бы и ноги завязать, но думаю, на таких каблуках, если что, ты все равно далеко не убежишь,— он снова усмехнулся. Сам кайфовал от своей остроты и крутости, идиот...

— И глаза. Глаза пока тоже завяжем,— Карим снова надел ей на глаза повязку. На этот раз ее посадили на заднее сидение в автомобиль. Судя по всему, в тот, в котором был и он. Влада чувствовала его присутствие. В машине пахло тестостероном...

Она не знала, как себя вести, что говорить, какую линию занять. Она боялась. С каждым вздохом и выдохом ее тело пронизывала боль страха, отчаяния и паники, словно тебя с силой ударили под дых и ты пытаешься отдышаться... Она крепко зажмурировала глаза и думала, что все это дурной сон. Так нелепо было осознавать, что всего несколько часов назад она была совсем в другой среде, словно на другой планете. На фоне происходящего даже тошнотворные вос-

поминания о каба́ре казались лучом света, который она упустила... Сколько же раз за это время девушка корила себя за то, что не поехала с Васелем, не засунула свою гордыню куда-нибудь подальше и поглубже... Она мысленно надеялась, хоть и понимала, что ее надежды бредовы, что Васель придет за мной... Вспомнила про Аймана, и чувство отчаяния затопило... Снова стала прокручивать произошедшее в машине... Ее падение, боль, багажник, трехчасовая тряска вперемешку с выхлопами и бензиновой вонью... Все казалось дурным сном.

Но все было реальным. Как никогда реальным. И самым реальным был его пытливый взгляд. Он вел Владу своим взглядом с того самого момента, как ее выволокли из багажника и он ее увидел. Вел, словно на цепи. Девушка чувствовала это в буквальном смысле физически, словно на ней реально были оковы. Но в то же время, он не казался ей безнадежным садистом и фанатиком, как другие. Он был прежде всего мужчиной на пике своей славы и уверенности. Это чувствовалось. И он это подчеркивал. Такие просто так не станут убивать женщин. Девушка увидела в его взгляде интерес и зацепилась за него, как за соломинку. Так происходит с человеком автоматически, когда ты пытаешься увидеть сострадание и теплоту в глазах самого отъявленного негодяя. Стокгольмский синдром... Мы всегда ищем свет в конце туннеля, надежду, на которой стараемся повиснуть всей тяжестью своего тела и сознания. Вопреки здравой логике, Влада не

пыталась от него спрятаться за тупой страх, она исподтишка наблюдала за ним, и он, конечно, это чувствовал на уровне инстинкта. Как она потом узнала, едва ли можно было встретить человека с таким обостренным чувством инстинктов. У него была чуйка, как у зверя. На все— твой страх, боль, смятение, ненависть, на многое другое, о чем ей стыдно будет потом признаться даже самой себе... Да, он был зверем в хорошем значении этого слова, как собака, чующая адреналин у боящегося, или кошка— возможное землетрясение... Так он чувствовал своих врагов, женщин, друзей... Наверное, мы называем это интуицией и пронизательностью. Нет, это было что— то другое, что Влада до этого не встречала.

Через полчаса они, наконец, остановились. Ей помогли выйти из машины. Она слышала, как к ним подлетели несколько человек, оживленно зовущих Карима, как поняла девушка, на военную вылазку. Он слился с толпой во-як, оставшись позади. Ее куда— то повели, как потом оказалось, внутрь большого дома, к которому они подъехали, и уже на пороге сняли с глаз повязку. Первое, что она увидела — портрет президента на полу. Его положили прямо на пороге, чтобы специально всякий раз на него наступать, такая, особая демонстрация неуважения на Востоке... Они пошли вверх по лестнице. Двери, двери. Красивый большой частный дом... Некогда красивый... Судя по всему, теперь здесь жили боевики... Выбрали его за красоту и уют... Вот только от его уюта осталось мало что... Ее завели в простор-

ную комнату, в которой я провела еще часа три до того, как все началось, до того, как механизм адских часов, которые ей подарила судьба, заработал...

Глава 2

Владу привязали к батарее. Комната, в которой она находилась с боевиками, очевидно, служила своим бывшим хозяевам гостиной – в центре стоял красивый мягкий угол бежевого цвета, возле него – стеклянный журнальный столик, несколько картин на стенах, на окнах весели элегантные гардины. Явно «не из этой оперы» был «письменный стол», заваленный бумагами. Как показалось, это была школьная парта... На нем же находилась какая-то техника – телефоны, видимо, спутниковые, компьютеры, еще какие-то устройства. «Иностранские поставки» оппозиционерам, – пронеслось у Влады в голове с горечью, когда она вспомнила, как о подобном «добре» рассказывали пропрезидентские журналисты. В комнату постоянно входили и выходили какие-то мужчины, до зубов нагруженные оружием. Кто-то то и дело бросал в ее адрес оскорбительные реплики. К счастью, они говорились на таком дремучем народном наречии, что большую половину фраз девушка попросту не понимала, однако по неприятным усмешкам других «слушателей» нетрудно было догадаться, что это явно не отрывки из высокой поэзии. Час от часу ее руки и ноги онемевали. В добавок ко всему становилось все холоднее и холоднее. Стоявший у стола «шуфаж» – подобие местной буржуйки – был предназначен не для ее обогрева – его несильным теплом наслаждались

мужчины, сидевшие на диване, в противоположном конце комнаты. Кто-то подходил к дальнему столику, на котором, видимо, когда-то стоял телевизор, а сейчас- красовался самодельный кипятильник, то и дел наливал себе чай или растворимый кофе.

Неужели они постоянно будут держать ее тут? Ноги затекли, бечевка резала руки. Она пребывала в таком стрессе, что ей на удивление совсем не хотелось даже в туалет... На отдалении не утихала стрельба. К тяжелому размеренному грохоту артиллерии, напоминавшему раскаты грома, примешивались бесперебойные автоматные очереди. Однако звуки эти явно доносились с расстояния в несколько километров. Видимо, они находились где-то в тылу... Но где именно? Все были убеждены, что Карим Диб в старом городе Хомра, но там ведь сейчас «кровавая баня», а этот район не производил впечатления сровненного с землей...

Заметила, что один из военных с интересом шарил в ее сумочке, перебирая вещи. Он по очереди доставал косметику, показывал друзьям и они весело заливались смехом. Кто-то из компании выхватил ее помаду и нарисовал на друге огромные красные клоунские губы... Изящная губнушка от Шанель была превращена в красную непонятную мазь... Он дошел до кошелька и без зазрения совести вытряхнул оттуда все до последней монеты деньги, как ни в чем не бывало засунув их себе в карман. Влада пока не понимала, хорошо или плохо, что они не нашарили пока в ее сумке край-

не замысловатый потайной кармашек под низом подкладки, где она спрятала свое официальное удостоверение журналиста. Девушка не собиралась что-то объяснять этим глупым полуобезьянам, ёрничающим над ее вещами, а вот с Каримом вопрос ее статуса поднять стоило. Все-таки она журналист, а он ведь так охотно с ними общается. Может и ей удастся под этим соусом благополучно вернуться обратно... Хотя надежды на то, что ее отпустят, становилось все меньше и меньше. Она была свидетельницей убийства, она здесь как шлюха Васеля, трофей, попавший к ним на халяву с его машиной.

Владины грустные мысли были прерваны скрипом двери. В комнату в очередной раз кто-то вошел. Это был он... Карим Диб, от которого зависела ее дальнейшая судьба, а может даже и жизнь... Вальяжно развалившиеся мужчины, даже те, кто выглядел намного его старше, резко поднялись на ноги. Карим всех поприветствовал, быстро проследовал к одному из кресел, снял с себя автомат, кабуру и резко обернулся в сторону девушки. Она мигом отвела свой взгляд, однако парень успел его поймать. Если бы она видела его глаза, прочитала бы в них лишь детскую усмешку, ничего, кроме усмешки...

Высокий, накачанный, он действительно превосходил по своим физическим данным всех остальных находящихся в комнате. В нем чувствовалась какая-то статность и брутальность, но в то же время притягательная простота и откры-

тость, которая, наверное, и делала его таким популярным среди простого народа... Эдакий идеальный образ сирийского парня... Влада никогда не дала бы ему всего 26 лет... Он держался самодовольно и уверенно. Его жесткие волосы цвета вороньего пера были аккуратно подстрижены и уложены. Такой же аккуратной была модная бородка. Лицо – на удивление светлое для сирийца. Нос несколько длинноват, но не портит его, напротив, придает еще больше достоинства. Но самой яркой чертой его лица были угольно черные миндалевидные глаза с хитроватым прищуром. Они сканировали тебя насквозь...

Итак, она у батареи. С завязанными руками, в жутко холодной, непротапливаемой комнате. Краем глаза чувствует, что его взгляд с полминуты был обращен на нее. После этого Карим так же невозмутимо подошел к столу с кипятильником, насыпал растворимого кофе и залил его кипятком, не обращая внимание на семяющего и пресмыкающегося перед ним мелкого парня в военной форме. С хлюпаньем отпил из чашки, повернулся в ее сторону и громко проговорил на литературном арабском языке.

– Нашей гостье холодно.

Находящиеся в комнате, в том числе и сама Влада, с удивлением подняли на него глаза. Он же не сводил глаз с нее, медленно размешивая содержимое своей чашки. Еще несколько глотков. Поставил кофе на тот же стол – взял брошенную им на стул при входе куртку и, подойдя к ней, на-

клонился и накрыл плечи, на секунду задержав на них свои руки. Влада подняла глаза, наполненные молчаливой благодарностью на него и тихо произнесла в первый раз за этот день, – Шукран (араб.– спасибо).

Карим улыбнулся и с издевкой ответил, – Афван (араб.– не за что), отчеканивая каждый звук, чем опять подчеркнул то, что девушка была иностранкой– между собой сирийцы так никогда не общаются.

– Валлах, хия бтахки аль– араби (араб.– реально, она говорит на арабском),– бросил он с некоторой издевкой своим побратимам, которые, в свою очередь, так же улыбнулись. Этот факт их забавлял.

– Таали, изан (араб.– тогда пойдем),– обратился он к Владе, повелительно поманив рукой.– Хали бнахки швейят. Валид, саидха (араб.– сейчас немного поговорим. Валид, помоги ей).

К ней подорвался Валид. Она узнала его. Тот самый, кто объяснял, почему ее пришлось притащить вместе с машиной... Он был явно возраста Карима, только мельче и суевливей. Подошел, отвязал от батареи и поднял. Ноги еле слушались– они так затекли, что просто не чувствовались. Карим заметил ее неуверенную походку и криво усмехнулся.

– Таали (араб.– давай пошли),– снова произнёс он, небрежно махнув рукой и показав, чтобы она шла за ним.

– Биддак мусаада (араб.– тебе нужна помощь?)?– повернулся к ней на ходу. Его забота была граничащей с издева-

тельством, а может, и с флиртом. Тогда она не могла еще понять, что хуже в ее случае.

Они прошли в узкий коридор, ведущий в маленькую комнату, судя по всему, служащую ему кабинетом. Стол с какими-то картами и документами, военные предметы в углу, несколько хаотично стоящих стульев. Карим поставил по центру один из этих стульев и показал ей, чтобы села на него.

Влада пыталась сделать это как можно осторожнее, чтобы он не увидел ни чулок, ни разреза, но получилось с трудом. Она и так сверкала этим идиотским полупрозрачным свитером... Зачем только так вырядилась... Кто бы знал... Насколько было бы сейчас удобнее в джинсах и каком-нибудь широком толстом свитере... Он скользнул по ней открытым, заинтересованным взглядом, и девушка почему-то испытала жгучий стыд.

– Ма сму ки (араб. – как тебя зовут?) – спросил он на том же пресловутом литературном арабском.

– Влада.

– Биддак ахва (араб. – хочешь кофе:)? – спросил он ее – ав матте (араб. – а может матте), – добавил он с издевкой. Она сразу поняла намек. Все в Сирии знали про необычайную любовь людей с побережья к матте, о которой ей в той жизни рассказывал с такой любовью и интересом Васель...

– Ана ма бидди шей (араб. – я ничего не хочу), – сказала девушка как можно более «народным» языком и подняла глаза

на мужчину, собрав всю волю в кулак. К ее ужасу он снял свитер и футболку, и словно совершенно не обращая на нее внимания, подошел к тумбочке, на которой стоял таз воды и лежало свежее полотенце. Влада невольно уставилась на его мускулистую широкую спину. Она была идеальной, если не считать нескольких шрамов. Какие– то были застарелыми, какие– то еще совсем красными, но уже не кровоточащими. Раны затянулись. Мускулы играли, словно под кожей работали мощные металлические шарниры. Спина переходила в красивую мужскую поясницу, ниже которой, как нетрудно было догадаться, была идеальная, накачанная задница. Он был красивым. И наблюдательным.

– Ю лайк ит (англ.– тебе нравится?)?– послышался его саркастичный голос. Он перешел на английский.

Влада дернулась, как ошпаренная, когда увидела, что вытирающийся полотенцем мужчина с интересом наблюдает за ней из зеркала, висящего перед ним. Еще больше удивило, что он перешел на английский. Думала, что он его не знает, как большинство сирийцев...

– Я не знаю, о чем Вы. Отпустите меня, пожалуйста,– в отчаянии взмолилась девушка. Все происходящее начинало ее пугать еще сильнее, намного сильнее чем затекшие связанные руки и ноги в холодном зале с боевиками...

Карим проигнорировал ее слова, не спеша повернулся. Подошел почти вплотную. Она не смела поднять на него глаза, и видела только его грязные военные ботинки.

– Ай лайк вот ай си (англ.– вот мне нравится то, что я вижу)...– в его голосе появилась новая нота... И она все больше вселяла в нее животный страх...

Все внутри сжалось. Девушка зажмурила глаза. Только не это... Она боялась именно этого... Маленькая идиотка, полезшая в большие игры. Быть военным журналистом и наивно полагать, что банальное сексуальное насилие, да даже просто харрасмент тебя минуют... Она знала матерых старших коллег среди женщин, отправляющихся в очередные опасные авантюры, которые предусмотрительно вживляли себе противозачаточные капсулы. Для них вот такой вот секс был частью работы, издержками, к которым можно в равной степени относиться как негативно, так и как к интересному сопутствующему приключению... А тут она со своими наивными чаяниями... Какой незащищенной Влада была, какой брошенной на произвол судьбы...

На секунду ей показалось, что если он увидит ее страх, то уж точно не пощадит... Поэтому, пересилив себя, вдруг выдавила.

– А что Вы видите?– какая– то внутренняя сила, взявшаяся из неоткуда, заставила ее поднять глаза на него. Она не покорная овца. Она будет бороться за свое достоинство... Зачем она грубит ему? Зачем провоцирует? Дура...– хаотично вертелось у нее в голове все сразу...

– Испуганную русскую шпионку в прозрачном свитере... Всю в моей власти... К тому же увейдатскую шлю-

ху... – он говорил ужасные, грубые вещи на поразительно хорошем на английском. Хотя и с сильным акцентом...

Боже... Что ее ждет? Как спасти себя?

– Я не шпионка! – воскликнула так, будто от эмоциональности произнесения этой фразы зависело то, поверит он ей или нет.

Его явно забавляла Владина предельная нервозность.

– Тем хуже для тебя. Значит ты просто шлюха.

– И я не шлюха! – почти закричала на него, снова скрестившись с ним в молчаливой дуэли взглядов. Его гнусные слова словно придали ей какой-то неведомой силы. Лишь бы она не покинула ее в самый ненужный момент.

Карим усмехнулся, но промолчал. Взял еще один стул, как у Влады, поставил его перед ней и сел на него в полуразвалку. Настолько близко, что она могла чувствовать на себе его горячее дыхание.

– Тебя похитили сидящей в машине хияла, преступника и мерзавца. За машиной следили. Она отъехала от кабаре. Значит, ты русская проститутка? Работаешь там?

– Я не проститутка! – Влада не выдержала и подскочила с места.

– Сядь, – раздался его металлический голос. Такой, какого она еще не слышала. Такой, каким он с ней еще не разговаривал. Голос, моментально заставивший ее вернуться на свое место и опустить глаза в пол. До этого он говорил повелительно, но в каком-то забавляющемся тоне. Все шло по

его правилам. Так и должно было продолжаться... Этот диалог напоминал ей игру кошки с мышкой перед тем, как она ее сожрет.

– Перестань рассказывать мне сказки. Ты отъехала от кабае в машине Васеля Увейдата. Куда он тебя отправил? К себе на квартиру? Или же ты не знала, что снявший тебя мужик Васель Увейдат? Тебя ведь вез его тупой помощничек...

– Вы правы, я его не знаю. Не знаю, кто это... – зацепилась за его слова Влада. Ужасно было то, что нервы совсем сдали. Она говорила, и при этом сама понимала, что проваливается...

Он, конечно же, тоже понял это... Наблюдательный козел...

– Но при этом ты не шлюха, хотя ехала от кабае... Он просто решил тебя подбросить до города. Ты же просто в обтягивающей юбке и прозрачном свитере шла мимо...

Влада тяжело вздохнула, ссутулившись и сверля пол... Она была в тупике... Она могла сказать, что встречалась с Айманом, но спасло бы это ее ситуацию?

– Асфура (араб. – голубка). Всего пять минут разговора, а столько лжи из этого красивого ротика... Скажи мне честно... Кто ты такая и что делала в его машине?

Влада уже не могла наврать, что не знает его... Вообще ему страшно врать... Он знал многое... Очень многое... Она молчала...

– Влада, – он был настолько близко, что она чувствовала

ла его дыхание на своем затылке,— перестань вести себя по— детски. Ты оказалась тут. Передо мной. Я жду от тебя честных ответов. Тогда, возможно, для тебя все закончится хорошо... — он вновь перешел на литературный арабский. Голос был трезвым, серьезным, но не устрашающим... Это пугало еще больше.— Что тебя связывает с Васелем Увейдатом?

— Я не знаю Васеля Увейдата,— гробовым голосом проговорила она.

В этот момент в дверь постучали. Зашел Валид. В его руках было Владино журналистское удостоверение. Он молча протянул его Кариму, после чего открыл какой— то ролик на Ю— тьюбе на своем телефоне. Странно было видеть у этих диких солдат современные гаджеты, хотя тут же Влада поймала себя на мысли, что эта революция делалась сначала в интернете, а потом уже на реальном поле боя... Когда она услышала звук видео, ее сердце ушло в пятки. Это был один из многочисленных желтушных репортажей про их с Васелем отношения. Эксклюзивное интервью, совместные фото— эти твари выловили мальков в океане и сделали из этого чуть ли не целое журналистское расследование... Просто она была слишком увлечена своими постельными утехами с Васелем, чтобы так тщательно следить за всем тем дерьмом, которое на нее обрушилось в СМИ и соцсетях. Идиотка, ей надо было сразу бежать из страны, если это вообще могло помочь....

Он молча досмотрел видео, дождался, когда уйдет Васель

и поднял на нее такой взгляд, который мог сжечь дотла. Она не просто играла с огнем. Она разбудила вулкан своей глупой ложью....

– Мы любим друг друга,– выпалила Влада, превентивно оправдываясь, в отчаянии, подавляя порыв расплакаться.

Он громко засмеялся... Тяжело, раскатисто, зло...

– Любите друг друга? Ты уверена, что говоришь о Васеле Увейдате? Он не способен на такие чувства!

Она молча кивнула.

– Может, это ты его любишь?

– Мы любим друг друга,– собирая последние силы в кулак, трясущимся голосом ответила девушка, подняв на него глаза,– и он обязательно вытащит меня отсюда... Свяжитесь с ним. Он заплатит столько, сколько нужно...

Карим снова приснул...

– Сколько тебе лет, девочка?

– 23 года,– тихо прошептала она.

Он слегка улыбнулся. –Почти как мне. Я всего на три года старше. Посмотри, всего три года. Я уже взрослый мужчина, а ты такая наивная, что мне тебя даже жаль...

Ей и вправду было тяжело поверить, что этот мужчина напротив может быть почти ее ровесником. Он был другим... Взрослее и протравленнее... С кровью на руках и тяжестью на сердце...

– Так отпустите меня...– почти с мольбой произнесла она....

Карим лишь усмехнулся.

– Неужели ты думаешь, что я просто так отпущу, если тебе верить, любимую Увейдата? Да я ненавижу этого ублюдка!

Влада бросила на него острый взгляд. Мужчина говорил так, словно знал Васеля. Или же это просто такой общий негатив в отношении сторонников режима...

– Ты спала с ним?

Она молча кивнула.

– Хотя можно было и не спрашивать. Ты красивая. У него хороший вкус. Меня это не удивляет, учитывая, что он из себя представляет...

– Вы говорите про него сплошную неправду.

Карим в очередной раз залился громким гоготом.

– А ты мне нравишься! Сколько раз ты рассмешила меня за этот разговор! Я не смеялся столько около года! Что же ты делала в кабаре, если он такой хороший? Какой хороший мужчина притащит в бордель женщину, которая ему дорога?

– Все не так... – Влада покачала головой, понимая, что ее история, если она даже и расскажет ее, покажется ему верхом бреда... – Все это сложно...

– Послушай меня, – он взял ее за плечи, заставив поднять глаза наверх... – Тут нет ничего сложного. Ни один приличный мужчина не заставит свою женщину идти в кабаре. Он, конечно, мог запудрить тебе мозги, но это так. Я говорю тебе это ни как его враг, а просто как человек. Я же вижу. Ты не шлюха, хотя и не девственница. Ты неопытная и робкая, и

могу поспорить, что этот урод испортил тебя. У тебя ведь не было до него мужчины. Не надо быть ученым, чтобы это видеть,— Карим говорил триумфально и уверенно, не оставляя ей даже сантиметра для оправданий и споров. Как он мог все знать? Как он все видел?

— Не пытайся больше меня обмануть, или мне придется тебя наказать. Тут все просто. Не так «сложно», как в твоих отношениях с Увейдатом. Ты совершаешь глупость— получаешь за это по заслугам... Со мной вообще все просто...

Как же он был прав, как потом оказалось...

Влада снова молча кивнула. Всего пятнадцать минут разговора— и полностью подавленное сознание, воля, разум... Ей хотелось одного — вырваться из его психологического плена. Она даже была готова вернуться в ту холодную комнату к батарее с теми жуткими вонючими боевиками...

— Что мне с тобой делать, Влада...— как— то совсем по— доброму задумчиво проговорил он. Девушку уже начала пугать постоянная смена его тонов. То он джентльмен с автоматом через плечо, то гадкое быдло, оскорбляющее ее, то жесткий мужик, с которым спорить нет смысла, то прорицатель с хорошим знанием английского...

— Может, отпустить?— спросила девушка с надеждой, хотя в ее тоне уже можно было уловить скорее горькое признание факта того, что ей не вырваться отсюда.

Он задумчиво усмехнулся:

—А вдруг ты лжешь и на самом деле все же разведчи-

ца... Состроила из себя падшего ангела... А сама журналистка, выбившая из Увейдата эксклюзивное интервью... Была в хиялском окружении и ехала из кабаре... Ты уже несколько раз мне наврала, асфура...

– Прости, я больше не буду, – девушка с мольбой посмотрела ему прямо в глаза, непроизвольно перейдя на «ты»... Казалось, от этого они вспыхнули, словно два угля в печи. Он контролировал каждое движение ее ресниц, каждый вдох и выдох.

– Ты не спросила, как меня зовут, это невежливо, – вдруг мягко как ни в чем не бывало в очередной раз перевел он тему разговора.

– Я знаю Вас – тихо ответила Влада, снова вернувшись к привычному «Вы». – Я ...я видела ролики в интернете.

Он улыбнулся.

– А может ты все же шпионка? Кто будет смотреть ролики со мной...

– Все смотрят... – тихо ответила, пожав плечами. Ей не приходилось врать, это было правдой. – Вы популярная персона. Западная пресса Вас любит, сейид (араб. – господин) Карим Диб.

Его ноздри широко раскрылись. Ему нравилась ее лесть, вот, сейчас он выглядел на свой возраст, даже младше. А может в ее тоне была какая-то волнительная манера, которая сбивала его с толку... Вводила в заблуждение...

– Называй меня просто Карим. На «ты». Мы же дру-

зья,— его губы не оставляла улыбка...

— Будут какие— то пожелания, Влада?— спросил он вставая, наконец, со стула.

— Я всего лишь хочу домой,— печально ответила.— Пожа-луйста, если не хотите с Васелем, свяжитесь с моим руководством, за меня дадут выкуп, обещаю,...— последний раз в надежде протараторила ему.

— Я подумаю,— ответил он скупо.— А теперь тебе нужно отдохнуть. При тебе есть какие— то вещи, Влада?— спросил он девушку.

— Нет, у меня забрали сумочку.

Он почему— то как— то странно улыбнулся, а в глазах скользнул огонек, от которого по телу побежали пугающие мурашки.

— Я спрашиваю не про сумку. Нет ли вещей при тебе, Влада? Диктофона или телефона? Или флешки, например?

Она покачала головой.

— Но как мне теперь верить тебе, асфура. Ты ведь врала мне за вечер столько раз. Извини, но я не могу. — Умм Бушер!— крикнул он достаточно громко, чтобы в дверь сразу вошла тучная, похожая на кита, женщина.

Карим что— то сказал ей быстро на арабском, судя по всему на своем диалекте, потому что девушка не уловила ни одного слова. Женщина подошла к ней вплотную, резко взяла за руки и подняла с места. Еще секунда— и Влада оказалась прижатой к стене. Что происходит? Все стало сразу понят-

ным, когда эта корова бесцеремонно прошлась руками вдоль тела девушки, залезла в лифчик, заставила раздвинуть ноги и ... сделал то, что повергло Владу в пучину ужаса и унижения. Молниеносно пальцы старой толстой тетки оказались в ее вагине, словно пытаясь понять, не спрятано ли там что. Девушка отчаянно сопротивлялась, но бесполезно. Корова, а вернее, китиха, была намного сильнее. Ужас усилился, когда вторая рука побывала в ее анальном отверстии. Хуже всего было то, что всю эту картину с большим удовольствием созерцал Карим, скрестивший руки на груди и опершийся о противоположную стену. Влада увидела его щурящие глаза и подернутые кривой усмешкой порочные губы, когда отчаянно вертелась в поисках спасения из захвата сильной старухи.

– Назыфа, куллю тамам (араб.– чистая, все хорошо),– проговорила китиха, резко отпустив девушку. Слезы произвольно брызнули из ее глаз. Влада сползла по стене, скрутившись калачиком, мечтая закрыться от всего мира. ... Так унижительно ей пока не было никогда. ... Это было уже слишком.

– Воды?– как ни в чем не бывало предложил Карим.

Влада сама не понимала, что нашло на нее, но откуда– то появились силы повернуться к нему и злобно прошипеть: – Ничтожество! Хайван (араб.– животное!); Васель уничтожит тебя!

– Дейр балик, асфура (араб.– Будь осторожней, голубка),– ответил он строго, но спокойно,– цени мой ихтирам (араб.– уважение). Я бы мог сделать это сам или попросить

кого—нибудь,— он усмехнулся,— из моих солдат. Но я вызвал женщину.

— Вы все животные!— закричала она ему в лицо и плюнула в его сторону... Это не был плевок в лицо, но все же достаточно оскорбительная для такого, как Карим, выходка, чтобы заставить поплатиться девушку... Она сама испугалась за себя...

Но он на удивление был спокоен и сдержан.

— Обещаю, асфура, в следующий раз, когда в тебе что—то побывает, тебе будет приятней,— он говорил и глаза его светились каким—то полуэкстатическим светом. Это было пугающе и отталкивающе. Он словно пил подавленную энергетику Влады.

От этих слов у нее закружилась голова. Как больно, унижительно, страшно... Ей хотелось плакать, кричать, биться в истерике, бежать в неизвестном направлении. Тело сотрясала дрожь...

— Вставай, пошли, не хочу больше тратить на тебя свое время,— лишь сухо произнес он, направившись к двери, не обращая внимания на ее состояние... Не помнила, как вышла за ним и снова оказалась в той душной шумной комнате, переполненной воняющими потом дикими боевиками... Голова закружилась... Все поплыло перед глазами. То ли от застилающих пеленой слез, то ли от помутневшего сознания.

Глава 3

– Думаю, ее надо поместить в более надежное укрытие. Вы разгуливаете здесь туда– сюда, как ветер, она может незаметно отсюда выскочить, – сказал Карим на своей аммии (араб.– форма диалекта), уже не церемонясь с тем, понимает она или нет. Теперь он не обращал на нее, как казалось, абсолютно никакого внимания, и ее это не могло не радовать. Может, ее слова обидели его и оскорбили, уязвили его чертово геройское достоинство. Может, он оставит ее в покое... Отпустит...

– Но куда ее перевести – встрял сидевший за столом мужчина средних лет, до последнего углубленный в чистку своего оружия и не обращающий внимания на происходящее? У нас нет тюрьмы, подвал забит оружием и там сыро, она дохлая, помрет через неделю, смысл ее тогда вообще держать, расходовать на нее продукты – многозначительно добавил он.

– Переведите ее в мою комнату, – в приказном, но несколько задумчивом тоне заявил Карим. В этот момент все присутствовавшие в помещении люди подняли на него глаза – кто с удивлением, кто с недовольством, кто с кривой похотливой усмешкой, сразу делая сам собой напрашивающийся вывод. Влада тоже подняла на него полный удивления и отчаяния взгляд, как раз такой, каким страдающий аэро-

фобией человек смотрит на надвигающееся грозное ненастье на высоте десятков тысяч километров над уровнем моря. Вроде бы, опасности пока нет, но полная неизвестность, замешанная на страхе, сводят с ума.

– Это единственная свободная комната, запирающаяся изнутри. Там есть туалет. Тем более, что я там почти не бываю, – добавил он, бросив вкрадчивый взгляд на свою пленницу.

– Валид, проводи, – приказал Карим, небрежно махнув головой в ее сторону и увлеченно что– то рассматривая на заваленном всякой всячиной письменном столе. Казалось, Влада интересовала его меньше всего на свете. Он тут же оживленно стал что– то обсуждать с находящимися в комнате мужчинами, однако девушка поняла из его речи лишь слово «джиср» – мост.

К ней быстро подошел Валид, перерезал ножиком веревки, которыми ее снова примотали к батарее, только так, что руки ее остались связанными, дернул ее на себя за веревочные наручники, попутно приказав:

– Вставай, пошли.

Он буквально вытащил ее из комнаты. Влада еле поспежала за его быстрой, размашистой походкой. Она все еще была в своих туфлях на огромном каблуке. Как глупо и несуразно они выглядели на этом брутальном фоне, – вдруг подумала она, – как глупо и несуразно выглядела она в своей вызывающей одежде... Как глупо и уязвимо...

Ее провожатый резко открыл дверь, втолкнул ее в комнату, отчего девушка упала на большую кровать, служившую основным предметом мебели в этом среднем по размеру помещении.

– Бывшая спальня, – пронеслось у нее в голове.

Валид бросил на нее полный злобы и отвращения взгляд и уже поравнявшись с дверью, процедил:

– Целуй ему ноги. Я бы предпочел убить тебя, русская шармута (араб.– шлюха).

Он быстро вышел из комнаты. Влада слышала, как поворачивался ключ в двери.

Позже она узнала, что его звали Валид Абдулла. Правая рука Карима Дибана. Рука, которой еще предстояло сыграть свою роль, и немаленькую.

Несколько минут она пролежала в той же позе на кровати. Острое чувство страха сменилось на тупую, горькую обиду. Обиду на себя, из– за глупой оплошности. Почему она не была бдительна и аккуратна? Никто на работе даже не догадывается, где она... Более того, как минимум до утра понедельника, когда ее не окажется на рабочем месте, и оставшиеся без ответа звонки на телефон нельзя будет объяснить банальными домыслами выходных дней... Она вела активную личную жизнь, которая, однако, оставалась загадкой для всех... И вот результат... Ее не найдут... А Васель? Надежда на него... Но разве он сам что– то знает... Аймана убили...

Очевидно, что ее передали из рук в руки от одних боевиков к другим, как можно было понять из их разговоров. Даже если бы она была в Дамаске, вряд ли бы можно было надеяться, что ее найдут. Таких заложников среди затаившихся неказистых домов на его узких улочках сотни, а может, и тысячи... Что уж говорить об оплоте революционеров, Хомре... Боевики Карима тут разгуливают свободно. Они занимают целые улицы, живут в лучших домах... Судя по звукам боестолкновений, они отнюдь не на линии фронта... Как в этом муравейнике можно будет ее найти? К горлу подступил ком, из глаз непроизвольно брызнули слезы. Она вздохнула заплакала.

Закрыв за собой дверь, Валид, скрепя зубами, напрямиком направился обратно к Кариму.

– Вот ключ, – сухо процедил он, протягивая его молодому начальнику.

– Птичка в клетке, – с жесткой усмешкой произнес Карим.

– Только, пожалуйста, не забывай, что она здесь для других целей, твои личные счёты с Увейдатом здесь ни при чем, – не глядя на него, себе под нос проговорил Валид.

Но Карим услышал его, – Я знаю, для чего она здесь. Вернее, пока не знаю, Валид. Это Вы притащили ее сюда. Мне нужна была Его машина, а не его баба... – резко выпалил он.

– Мы можем обменять ее... – начал было Валид, но был тут же прерван Каримом.

– Перестань меня учить, Валид. Ты забываешь, кто здесь главный... Это теперь лишь мне решать, что с ней можно сделать!

И он быстро подошел к креслу, надел свою боевую амуницию и вышел.

Влада проплакала с полчаса. После того, как слез больше не осталось, она вернулась к реальности и почувствовала все тот же холод. Опомнившись, поняв, что лежит на застеленной кровати, а под ней большое пуховое одеяло, девушка встала, откинула его и зарылась в перину почти с головой. Она так замерзла, что не думала о чистоте, хотя, надо отдать должное, комната была аккуратно прибрана, постель тоже довольно свежая. Некое подобие комфортных условий сразу позволило ей расслабиться. Она прикрыла глаза и почувствовала, как проваливается в беспокойный, но неизбежный ввиду ее усталости сон. Уже засыпая, Влада поймала себя на мысли, что эта постель пахнет мужчиной. На удивление этот запах не казался ей неприятным, хотя представлял собой не остаточный аромат французских духов, а запах мужского тела. Немного грубый, неотесанный, терпкий, но какой– то успокаивающий. Запах мужчины, но не ее, чужого, подумала она – и ей сразу вспомнился ее Васель... Её ли? Одинокая слеза напоследок успела скатиться по щеке, прежде чем глаза крепко сомкнулись в сонной неге.

Влада проснулась уже почти на рассвете. Постепенно при-
дя в себя и вспомнив ужасы прошедшей ночи, то, где она
находится, что все это не сон, девушка почувствовала, как
под ложечкой засадило. Сначала это состояние ей казалось
скорее психологическим, ведь разве можно было оказаться
в ситуации, хуже, чем у нее?— задавалась она вопросом. Че-
рез несколько мгновений, однако, она поняла, что боль все
же во многом связана с диким, пронзающим чувством голо-
да. Странно, но из- за состояния стресса она совсем позабы-
ла о банальных потребностях организма... Немного оглядев-
шись, Влада увидела на импровизированном столе, некогда
служившем, по всей видимости, хозяйским трюмо, поднос с
какой- то едой. На нем же находилась лампада, которые ей
приходилось видеть только в фильмах. Кажется, они были
на масляной основе. От лампады исходило тусклое свечение,
но все же достаточное, чтобы спокойно различать предме-
ты в комнате. Она откинула одеяло и вдруг почувствовала,
что в комнате отнюдь не так холодно, как раньше – недалеко
от кровати стоял маленький шуфаж. Спустила ноги на пол
и хотела было уже встать, как вдруг ключ в двери начал по-
ворачиваться. Дверь отворилась и на пороге она сразу смог-
ла различить мощную фигуру мужчины, которую освещал
слабый свет, исходящий откуда- то из коридора. Он стоял с
широко расставленными ногами, будто сразу обозначая, кто
здесь хозяин положения.

Карим медленно закрыл за собой дверь. С минуту, несмотря на полумрак, они пристально вглядывались друг в друга. Во взгляде Влады не могло не читаться смятения и страха, в то время, как пронзительные черные миндалины ее пленителя, окаймленные белоснежными белками, источали превосходство и триумф. Его тонкую линию губ искривила усмешка. Он вальяжно прошел вглубь комнаты и, не отводя от нее глаз, стал медленно снимать с себя вещи. Одну за другой. Карим был без оружия, но все еще в военной форме. С лязгом им был расстегнут ремень. Снята рубашка, под ней – белая майка. Потом он избавился от штанов и трусов. И вот в полных ужаса и паники глазах Влады отразился образ абсолютно обнаженного мужчины, без краски смущения, с молчаливым спокойствием взирающего на беззащитную девушку, которая через несколько минут должна была стать его жертвой. Он не чувствовал ни грамма стыда от своей наготы, словно использовал ее как оружие, показывающее его абсолютное мужское превосходство. Как истукан из оникса.

– Ну и где твой Васель? Что до сих пор тебя не спас?– никакого сострадания или симпатии, которая, казалось, изначально сквозила в его взгляде еще там, в комнате на допросе.

– Что он скажет на то, что я тебя сейчас трахну, как думаешь?

– Хайван, животное, – самопроизвольно вырвалось у Влады отчего чернота его глаз стала еще более глубокой.

– Да, животное. Будь по– твоему. Люблю удовлетворять

женские желания,— с издевкой проговорил он, вальяжно, в раскорячу, не скрывая своей наготы усевшись в кресло напротив. Казалось, он был одним большим средоточием мускул, ни миллиграмма несовершенства на этом теле, словно каменная скульптура. За таким совершенством всегда стоит очень жесткая работа над телом, а в его случае— это не просто ради того, чтобы красоваться. Это тело было словно боевой машиной. Оно пугало.

— Гет ап (англ.— встала).

Влада не пошевелилась. Тогда он подошел и дернул ее с силой за руку, заставил встать на ноги. Одна ее нога была обута в туфлю, в которой она так и осталась, провалившись после рыданий в сон, другая— босая. Коснувшись ею холодного пола, Влада не смогла удержать равновесия и чуть было не упала, но Карим, так и не ослабивший свой захват, не дал ей свалиться с ног. Она судорожно нашарила вторую лодочку и обулась. Наконец, он отпустил ее, невозмутимо повернулся к ней спиной и сверкая голым задом, продефилировал обратно к стоящему в углу креслу.

— Дресс эвэй (англ.— снимай платье),— послышалась вторая команда с повелительным и небрежным взмахом руки.

Влада не шелохнулась. Лицо Карима искривила гримаса жестокости. Такие появляются у тех, кто уже успел почувствовать свою абсолютную власть и не терпят более неповиновения.

— Арджук (араб.— прошу тебя),— взмолилась Влада,—

плизз (англ— пожалуйста). Ее губы полушептали эти слова, но глядя на его непроницаемое лицо, на котором явственно читалось ожидание запретного, надежда таяла на глазах...

— Я же сказал тебе, что не отпущу. Неужели ты думала, что я собрался играть с тобой в карты?— этот саркастичный тон, наглое поведение.— Я ведь животное. Зачем строить из себя джентльмена?

Влада ненавидела его. Если бы рядом был нож, она бы, не задумываясь, пырнула его.

— Я прошу тебя... Я думала, ты не такой...

— Не какой? Как же! Хайван! Животное. Звери, вы все звери— твои слова? Раздевайся, я жду! Ай ор олл (араб.— я или все),— показал он указательным пальцем в сторону двери, из— за которой продолжали доноситься оживленные крики его побратимов,— ты так страстно извивалась от пальцев старухи, я сразу представил, что же будет, когда я насажу тебя на свой член. Сукин сын Увейдат знает толк в бабах.

Второй раз в жизни Влада начала всхлипывать от отчаяния. Соленые капли сами собой стали катиться из глаз, с чем она поделаться ничего не могла. Как в далеком детстве, когда она на Новый год осталась совсем одна в пансионате. Никого, кроме злой уборщицы и ненавистной гувернантки... Еще секунда— и слезы полностью затуманили ее взор. Девушка устала в пол и начала снимать с себя одежду. Казалось, это происходило не с ней, как в дурном сне... Она отбросила в сторону накинутую им же самим куртку с его "барского"

плеча. Перед сном она надела ее и даже застегнула. Так было намного теплее. Почти одним движением избавилась от своего вязаного свитера, куском черной материи соскользнувшего с ее тела на пол. Осталась в одних чулках, лифчике и трусах. Карим довольно причмокнул. Слезы продолжали застилать ей глаза. Она не видела этой надменной усмешки, не видела пронзительного взгляда, в котором все больше читалась похоть. Не видела своего позора...

– Кам (англ.– иди сюда),– произнес он голосом с хрипотцой, по которой можно было понять, как сильно его возбуждение. Влада тупо повиновалась, ненавидя себя за это.

Сделав несколько шагов, она остановилась, не дойдя до него около метра.

– Акраб (араб.– ближе),– тяжело дыша, уже на арабском продолжал он приказывать.

Девушка сделала еще шаг– и вот– она почувствовала его глгучее дыхание на своем теле, где– то на уровне живота...

Одна его грубая большая рука скользнула по ее талии и вверх. Нащупала лифчик, умело расстегнула его сзади и, не церемонясь, сорвала, откинув в сторону. Другая тем временем по– хозяйски прохаживалась по бедрам и ягодицам. Потом на уровне талии обе его кисти снова встретились. Он стал поглаживать ее зад уже двумя руками, после чего с силой с обеих сторон разорвал трусы. Влада осталась перед ним почти голой– только в чулках и туфлях. Карим нагло смотрел на ее тело, трогал его, словно золотой трофеей...

– Хороший вкус у твоего любовника,– шептал он с хрипотцой в голосе.– Такая нежная кожа...

Руки ее мучителя снова устремились вверх– к грудям. Наконец, он встал и плотно прижался к ее телу своим. Только сейчас она заметила, что он был выше ее головы на две. Она почувствовала его тяжелое учащенное дыхание, когда Карим аккуратно утер большим пальцем очередную скатывающуюся слезу, заключив ее лицо в крепкие оковы своих рук.

– Красивая,– прошептал он на арабском, прижимаясь к ней ближе и ближе. Его дыхание становилось все более резким и обжигающим.– Не плачь. Ты же знаешь, что это бывает приятно. Он ведь научил тебя...– Карим приближал свои губы к губам Влады, не давая ей возможности высвободиться из его захвата. А когда, наконец, ее рот накрыл его поцелуй, Влада инстинктивно укусила его что есть мочи за губу.

Как ошпаренный, мужчина с криком отпрянул от нее, схватившись за губу. И в этот момент Влада поняла всю глупость своего поступка. Она стоит полностью голой в революционном Хомре в доме, набитом боевиками, которые могут сделать с ней такое, о чем ей даже догадываться не приходится... В этот момент она почувствовала, резкую боль– вспышку на щеке, которая отдалась во всю голову. Еще мгновение – и так же вспыхнула вторая щека, из глаз полетели искры. Карим с силой дважды дал ей пощечину, после чего схватил за волосы и поволок к кровати. Он опрокинул ее на живот, повалился сверху и без промедления с силой вошел в

ее лоно, отчего Владу пронзила жгучая боль, замешанная на чувстве стыда и жалости к самой себе. Оказавшись внутри нее, он сладострастно застонал, прошептав:

– Хильв, ктир деййика (араб.— как хорошо, очень узкая)....

Его толчки были сильными и жесткими. Потом он остановился, просунул свою руку ей под живот и потянул ее наверх, поставив на колени. Не успела Влада перевести дыхание, как его член с новой волной силы вторгся в нее. От его резких толчков у нее сводило вниз живота, как это бывает при сильном беге. Карим же, воспользовавшись удобной позицией, всю мям ее грудь. Когда темп его толчков возрос многократно и разрядка была близко, он надавил своей рукой на шею Влады сзади так, что ее голова еще больше вжалась в постель, а вожденная им часть тела стала для него еще более доступной. С бурными стопами и последними резкими толчками он кончил, повалившись всей своей массой на девушку.

Она лежала обездвижено. Дышать было почти невозможно, то ли от тяжести тела ее насильника, сдавившего ее легкие, то ли от неверия в реальность пережитого...

Только что ее изнасиловали. Унизили и изнасиловали... Влада крепко зажмурила глаза, надеясь, что все это жуткий сон... Но увы, ее мучитель был столь же реален, сколь и пережитая ею несколько мгновений назад пытка.

Наконец, Карим поднялся с нее. Влада оставалась лежать

в том же положении, не в силах сдвинуть с места хотя бы какую-то часть своего тела.

По доносящимся звукам – шелесту ткани, лязгу металлической бляшки – она поняла, что Карим одевается. Завершив процесс, он сел обратно на кровать. Начал бесцеремонно гладить ее руками по телу от шеи до зада.

– Я говорил тебе, что со мной все просто. Совершаешь глупость – получаешь по заслугам. Делай выводы, асфура (араб. – голубка).

– Гори в аду, урод, – проговорила она сквозь слезы.

Карим смачно шлепнул, и нагнув свое лицо к ее уху, шепотом проговорил:

– Мы уже в аду. Ахлян ва сахлян, асфура (араб. – добро пожаловать, голубка), – запечатав свои слова быстрым резким поцелуем в ухо. Он встал, повернул в скважине ключ и уже в дверях бросил ей в своем привычном повелительном тоне:

– Ит энд слип (англ. – поешь и поспи).

Дверь закрылась. Влада с минуту лежала в том же неподвижном состоянии. Его шлепок, завершающий унижительный аккорд сегодняшнего жуткого вечера, все еще горел на ее коже. Она чувствовала себя настолько ничтожной, настолько зависимой, настолько бесправной и униженной... А главное абсолютно, абсолютно беспомощной. Не помня себя, она встала с кровати, на ходу стащив с нее смятую простынь. Обмотавшись ею, шатаясь, поплелась в ванную. Тем-

пература комнаты ее уже не волновала. Вся она внутри и снаружи горела. Ванную освещала такая же слабая масляная лампадка. Бедная девушка встала у раковины и подняла глаза на свое отражение. На нее смотрела не молодая самоуверенная девушка в дорогом брендовом платье, которая стояла в Фениции и наслаждалась предвкушением взрослой жизни, это была слабая, загнанная, пятнадцатилетняя девчонка, тихо, втайне от строгих и равнодушных гувернанток, плачущая о своем одиночестве и ненужности в душе интерната— единственном месте, где бы она могла уединиться. Словно тени прошлого снова приобрели силу реальности. Лицо искривила гримаса боли и обиды, но слезы не текли. Глаза словно высохли. Внезапно к горлу подступила резкая потребность вырвать. Она быстро открыла унитаз и опорожнила свой желудок. Судороги рвоты сотрясли ее еще несколько раз, после чего Влада, наконец, стала приходить в себя. Она умылась и провела мокрыми руками по волосам. Она вышла из комнаты и не глядя на еду, упала навзничь на кровать.

Девушка не помнила, сколько она так пролежала. В реальность ее вернул стук в дверь.

Глава 4

– Нууу, так совсем не пойдет, девочка. Давай– ка приходи в себя,– услышала она вдруг у себя над ухом русскую речь с характерным волгоградским акцентом. Точно такой был у одной из ее однокашницы в интернате из Волгограда.

Тут же она почувствовала, как под звучный "пффф" ее лицо орошается холодными брызгами воды. Влада резко открыла глаза. О боже, кто– то только что окатил ее лицо водой, набранной в рот...

– Ну вот, милая, сейчас покушаешь, придешь в себя,– вновь затараторила представшая перед ней женщина лет пятидесяти пяти– шестидесяти. Она была одета в черный хиджаб. Так же, как большинство сирийских женщин из консервативных мусульманских семей, но по ее явно славянскому лицу было понятно, что эти края отнюдь не являются ее исторической родиной... Не говоря уже про идеальную русскую речь...

Влада поднялась на локтях, до конца не осознавая, что происходит.

В это время расторопная тетушка уже деловито водружала поднос с едой на стоящую рядом с кроватью тумбочку.

– Давай, моя хорошая. Бутербродик хочешь? – по матерински спросила она.

– Спасибо, я не голодна,– настороженно ответила Влада.

– Ты же совсем худая и изможденная. Давай подкрепимся.

На подносе стояла классическая сирийская закуска – оливки, бараний сыр, лепешки с мясом – сфихи, хуммус. Не богато, но очень питательно и сытно.

Женщина умело навертела ей бутерброд из лепешки с мясом и большим куском сыра и безапелляционно вручила его Владе, а сама, нежно глядя ее по волосам, начала ворковать своим успокаивающим голосом.

– Я когда приехала сюда с мужем тридцать лет назад, думала все – не приживусь... И семья его меня не жаловала, и языка я не знала, и обычаев. А этот платок чертов. Уж как я его носить не хотела. У нас ведь в России такого вообще принято не было. Все одевались скромно, но по – светски, без всяких этих религиозных излишеств. Плакала я каждую ноченьку. Думала, видит Бог, сбегу. А потом началась тошнота, головокружение – родственники мужа заметили, что слабая – велели пойти к врачу. Пошла к докторше, тоже из наших была, замужем тут, но только они с мужем лет пять как в Алеппо переехали. У него там с Турцией бизнес какой – то. Так вот, говорит мне, мол, беременная ты. Сиди, не рыпайся. Вот я и сидела, не рыпалась. А потом сын родился. Меня отец мужа сразу принял. Говорил, никак не могли наследника получить. У старшего брата одни девки рождались. Ну а там и мать его оттаяла. Я язык стала понимать. Подружек себе нашла. Из русских и украинок в основном. А нас тут таких много будет. Мужиков – то на родине, са-

ма знаешь, мало. А всем хотелось за принца... А вот они как раз и принцы были— из— за моря, при деньгах, красивые, а как ухаживают. Вот мой— то как на меня смотрел, как будто железо плавил, как будто сердце у него остановится, если он от меня отвернется. А мы ж оба в институте познакомились. Учились на инженеров в Волгограде. Он приехал и еще трое арабов— двое из Египта и его друг из Сирии. Вот так и жили. Но были и пару местных подружек. Очень религиозных. Их свекровь в дом привела, чтобы они меня всему местному учили. И детей у меня трое от него. Сына старшего женили четыре года назад. А как женили, муж— то и, яани (араб.— часто встречающееся слово— паразит в арабском языке, соответствует русскому «как бы»), представился. Сосуды.— женщина тяжело вздохнула, но лишь переведя дух, продолжала тараторить,— ну вот с тех пор— то я теперь и одна... Живу ради детей...

Влада тупо и без эмоций жевала свой гигантский бутерброд и никак не могла понять, зачем эта баба обрушила на нее свой велеречивый волгоградский поток слов... Вообще, как она сюда попала? Воспользовавшись, наконец, кратковременной остановкой в речи своей собеседницы, она спросила:

— А вас кто подослал? Вы тут живете или что?

— Попросил меня, попросил, голубчик наш попросил, Каримик.

— Голубчик,— поперхнулась со злости Влада.

Женщина вскинула голову и продолжила, – он наш спаситель. Добрый парень. Всем помогает. Дети его любят. И он детей тоже. Он тут вроде царя. Всем заправляет. Все его слушаются. Газовые баллоны, кому что в дом надо, у кого сын пропал, у кого муж. Всем помогает. Это он нас приведет к победе, чтоб эти окаянные кляб (араб.– собаки) Али сдохли. Вот тогда все мы заживем.

Влада закатила глаза. Как же наивны и узки были представления этих людей об истинном положении вещей... И как далек образ "Каримика", описанный этой дамой, от того жестокого похотливого зверя, которого она имела "счастье" видеть всего несколько часов назад.

– Вот только до юбок охоч больно. Хотя и бабы сами, дуры, уж как ему на шею вешаются... Вот говорят, сирийки, скромницы, а сами потаскушки первые. Уж сколько у нас разврату в России, но все равно такого нету. А они просто стыд потеряли. Как видят его, так такой визг. Если бы не религиозные наши дедушки, имамы, так вообще стали бы раздеваться и перед ним напоказ титьки свои и прочие прелести оголять. Фу, срамота.

– Ваш Карим наглый и жестокий преступник, которому я еще отомщу.

Интонация женщина переменялась. Она стала какой– то по– деревенски строгой.

– Ты эти разговоры и мысли брось. Ничего ты ему не сделаешь. А если сделаешь, головы тебе не сносить. Тогда тебе

точно не жить. Ты, это, не обольщайся. У него таких, как ты, много. Целый гарем. И каждый день ведет к себе ту, которую пожелает только. Любая готова., потому что он наш герой и освободитель. Ночь, две– и все. Так с большинством. И с тобой так будет. А поведешь себя правильно– глядишь, и выберешься. Вон, у тебя какая сумка красивая, лакированная. Небось, небедная... Выкуп дадут за тебя– и вернешься восвояси. И будешь знать, как разгуливать по странам, где война за свободу идет.

– Где моя сумка?– резко спросила Влада.

– Не знаю, ничего не знаю,– стала отнекиваться женщина,– я просто видела. Мне до этого дела нет. Велено– сделано. Сказали прийти тебя покормить – я и пришла. А так это дело не мое. Я вообще свой нос никуда не сую. А то давно бы без него осталась...

– Что– то не видно– смотря в пол, пробубнила про себя Влада.– Послушайте,– нетерпеливым голосом, но с надеждой громко заговорила Влада,– я российский журналист. Не просто девка какая–нибудь. И Вы как росгражданка должны мне помочь. Свяжитесь с консульством. Или с моим агентством. Позвоните в ЭРА, пожалуйста! Это все, что я от Вас прошу!– уже умоляла ее Влада. Как ей хотелось сказать– позвоните моему Васелю, но весь ужас ситуации был в том, что его телефона у нее так и не было... В самый нужный момент его конспиралогическая теория подвела. Не было здесь его всевидящего ока... Оставалась еще одна мало–мальская на-

дежда на выключенный и разряженный телефон, но гарантии того, что он все еще в ее сумке, не было никакой. Если бы только она могла его найти и активировать...

– Ты это брось, – еще более строгим тоном проговорила женщина, – и кто тебе сказал, что я росгражданка? И не росгражданка я вовсе. И не надо мне вашего паспорта российского. Мой паспорт как закончился, так я больше никуда не ходила. А зачем? Муж араб, дети тоже арабы. По– русски– то с трудом понимают. Нам что от России? Они о своих– то позаботиться не могут, не то, что о наших. Я вот, инвалид третьей степени, а кто мне что дал? А где пенсия? Неет, не надобно мне ничего от вас. И детям моим не надобно. И зачем им гражданство нужно ваше? И что оно им даст? Только попрекать будут больше на улицах за то, что чужаки.

Влада закатила глаза. Разговаривать с ней было бесполезно. Эта женщина действительно мыслила в жестких рамках стереотипов, навязанных теми, кто ежедневно ведет пропаганду в этой бесчестной войне, где правды нет ни на одной стороне.

– Спасибо Вам за еду, – выдавила из себя улыбку Влада, насильно заглатывая последний кусок пресловутого бутерброда. Говорить с этой женщиной было бесполезно. Хотелось лишь побыстрее от нее избавиться. – Я очень устала и хочу спать.

– Давай, милая, давай. А меня Мария Павловна зовут. Для местных Мариям.

– Очень приятно,– мечтая побыстрее отделаться от собеседницы, быстро ответила Влада.

Мария Павловна убрала с тумбы поднос, бережно накрыла Владу одеялом и поспешила к выходу.

– Отдохни, милая,– произнесла она напоследок. Но тут Влада вспомнила, что забыла за всей этой болтовней задать один вопрос:

– А чей это дом? Они тут все живут или...?

– Так это ж мой дом. Наш дом с мужем. Сыночки мои тоже солдатиками стали. А дом у нас просторный, места много. Так что они тута и бывают. Но они не только тут бывают. Они в разных местах.

И в эту минуту Влада вдруг осознала, что за столь рьяной защитой новоявленных «героев» и их образа жизни, возможно, стоит не слепая преданность и всецелая поддержка, а банальный страх. Страх за себя и своих близких. Страх, что если ты не откроешь дверь боевикам, они откроют ее сами и выкинут тебя из собственного дома. Таких случаев по Сирии было сплошь и рядом. Такие случаи происходили всегда... Влада вспомнила, что во всех старых частях древних сирийских городов, где сохранилась аутентичная архитектура, входные двери были на удивление маленькими. Такие маленькие, что человеку приходилось нагибаться, чтобы спокойно зайти внутрь. Попав туда, однако, человек оказывался в райском месте с богатым внутренним двориком. Таким, какой был у Васеля в старом городе... Эти маленькие

двери были построены так, чтобы захватчики на конях, будь то турки— османы, монголы или кто— то еще, не могли врываться в дома на своих лошадях. Тогда это могло спасти хозяину и жизнь, и имущество. Сейчас такие меры уже против незваных гостей не помогали...

Тяжелый сон камнем навалился на разбитое тело Влады. И в нем она летела обратно в Дамаск, к Нему, тому, кто покинул ее и оставил на растерзание этому «героическому» самцу. Она летела, но никак не могла найти верного пути... Над серыми землистыми дорогами, желтыми скалами и редкой порослью бледно— зелёных оливковых деревьев.

Глава 5

Выйдя из комнаты, Карим напрямик направился обратно в штаб, где всего несколько часов назад встретил Ее. При входе в комнату справа в коридоре весело старое зеркало. Он недовольно вздохнул, увидев в нем свою опухшую губу с кровоподтеком.

– Стерва, он еще заставит ее за это заплатить, – пронеслось у него в голове. Мысль о проведенных с ней минутах не выходила из головы. Несмотря на острый оргазм, он не почувствовал удовлетворения. На душе было скверно. Не так он привык брать женщин, да и не хотел ее боли и унижения. Она и без того была унижена и затравлена, эта бедная милая девочка, почему – то так зацепившая его с первой минуты, как он увидел ее в багажнике автомобиля. Хотел ненавидеть ее, потому что она была этого гребаного ублюдка, но не мог, даже специально накручивая себя. Карим вспомнил о ее красиво очерченной спине, изгибающейся под ним, о теплоте и узости ее женского лона, упругих грудях, нежной на ощупь коже, медовых длинных волосах, которые так хотелось нежно перебирать, а не жестко трепать... Она подействовала на него подобно магниту, послав к паху волну тока. Что в ней было такого, что его так влекло, вопреки логике и застилавшей глаза ненависти к Увейдату и всему, что с ним было связано... Карим любил сочных женщин с формами, а

сам потерял контроль от этой худой девчонки... Не просто потерял контроль... Говорил себе, что сделал ей больно потому, что шлюха Васеля, а на самом деле, вскипел, как мальчишка, что не стала заигрывать и флиртовать с ним, как другие, что осмелилась кричать и обзывать его, демонстрируя свое пренебрежение, что непроизвольно начала их сравнивать, превознося своего любовника... И вот, он сорвался, и теперь чувствовал себя полным дураком. Она в его комнате, греет его постель, обливается горячими слезами, проклиная его, а он, как юнец, мечтает, что она еще будет стонать под ним от страсти, а не от боли... Это наступит очень скоро— в потом он выкинет ее,— внушал себе Карим—. Потому что она женщина врага. Потому что сам Увейдат бы поступил на его месте именно так... Уже поступил, даже хуже... Он снова вспомнил все то, что заставило их когда-то пересечься, и руки с силой сжались в кулак, обелив костяшки пальцев... Он стиснул зубы, но вовремя взял себя в руки, понимая, что не один, что на него смотрят люди, и это знать они не должны...

В штабе как всегда было много народу. Когда Карим туда зашел, все по привычке оживились. Кто-то молча кивнул ему без каких-либо эмоций, кто-то явно уже обсудил его «уединение» с пленницей, кто-то лишь бросал на него косяе, полные зависти взгляды. Карим подошел к креслу, где оставил свое оружие. Его тут же окликнул Валид.

— Давай выйдем, есть разговор,— сухо и сдержанно попро-

сил он Карима.

Тот молча кивнул. Они направились наружу. Карим понимал, что скорее всего, разговор сведется к какому-нибудь очередному нравоучению. Валид был его лучшим другом с детства. Отец Валида работал конюхом на ферме отца Карима. Поступив в регулярную армию два года назад, оба они были счастливы, что их распределили в одну часть. Решение о дезертирстве и переходе на сторону оппозиции ими тоже было принято коллективно. Валид был надежным товарищем и хорошим советником, но его постоянное вмешательство в личные дела Карима, замешанное на высоких моральных принципах с того момента, как Диб получил неограниченную власть, популярность и внимание женщин, которым любил пользоваться, все больше его тяготили.

Они вышли на большой балкон, выходящий во внутренний дворик, украшенный небольшим палисадником. Он был превращен бойцами Карима в склад разной техники, однако растущие там несколько деревьев лимона и дикого апельсина все еще напоминали о его былом предназначении.

– Это она тебя так отделала?– с сарказмом поинтересовался Валид, глядя на распухшую губу Карима.

Тот злобно выдохнул, тронул свой ноющий рот, но ничего не сказал.

– На. Смотри, тебе будет интересно,– деловито проговорил Валид, протянув другу планшет с интервью Васеля Владе. Глаза Карима быстро побежали по строчкам, он нахму-

рился.

– Интересно, он оприходовал ее до интервью или после?– горько усмехнулся Диб,– но почему она не сказала, что журналистка сразу? Это не может быть подставой... Ее не могли подослать специально?

– Исключено,– замотал головой Валид,– люди Абу Лейса даже не знали, что она русская. Они вообще не думали, что там будет баба в машине...

– Тогда так и будем делать вид... Будто бабы в машине и не было...– задумчиво проговорил Карим.

– Ты серьезно?– с раздражением выпалил Валид,– она непростая девчонка. Ты пойми, это не шутки. Мы должны решить, что с этим делать. Во–первых, мы можем использовать ее в своих целях, но в то же время, это достаточно опасно, потому что кража иностранца, работающего за рубежом– дело международного уровня. За ним последует определенная реакция... Что ты будешь делать? Об этом надо срочно доложить... Завтра приезжают иностранные кураторы с новыми добровольцами...

– Стоп, Валид– перебил его Карим– не указывай мне, что делать! Я не буду докладывать им о ней. Это мое дело, и я с ним сам разберусь.

– Как ты с ним разберешься? Ты совсем рехнулся? Ты хочешь спать с ней?! У тебя что, мало женщин?! Ты ведешь себя как...– Валид осекся.

– Как?!– гневно и дерзко парировал Карим,– договари-

вай, раз начал! Но не забывайся, Валид, не забывай своего места!

– Брат,– уже более мягким тоном заговорил тот,– ты знаешь, как я к тебе отношусь, как я отношусь к нашему делу. Победа близка. И во многом это твоя заслуга. Но твое поведение в последнее время... Пойми, ты действуешь себе во вред. Братья говорят...

– Кто говорит?! Приведи мне их всех сейчас же сюда!– снова резко перебил его Карим,– не этим иностранным собакам, сидящим по европам и азиям и бездельничающим, указывать мне, что делать! В отличие от них, я каждый день рискую жизнью своих братьев и своей во имя свободы, а что делают они? Ты знаешь, я всегда был против их руководства, а сейчас, когда они стали подсовывать нам этих террористов– наемников, насаждающих свои понятия и чувствующих себя хозяевами Сирии, они превращаются из наших союзников во врагов. Это наша война и нам, таким, как ты и я, волей Аллаха освободить нашу страну, не им! Не каким– то пришлым гураба (араб.– чужакам)– иностранцам!

Валид молчал. Брови его были нахмурены, глаза устремлены в одну точку. Он думал над тем, что говорит Карим и казалось, что ему это не очень нравится.

– Пойми, слишком рано проявлять независимость. Мы все еще балансируем на грани. Посмотри, это нас бомбят. Это мы почти на линии фронта. И если на этой улице пока все тихо, кому как ни тебе знать, что все это временно. На

неделе мы должны искать новое убежище, как делали это месяц назад. Но если ты просто поменяешь местоположение, то я теряю свой дом. Это мой дом!!! Тут живет моя мать! Не сейчас, пойми, не сейчас проявлять характер,— пытался он достучаться до Карима.

— Твоя семья— моя семья, Валид. Ты знаешь это... Но это не относится к тому, о чем мы с тобой говорим. Все мы что— то теряем на этой войне... Но объясни мне, зачем нам нужны эти шармуты, сидящие в другой стране? Деньги можно получать напрямую, этим вопросом я планирую заняться. Мои родственники над этим работают. Оружие тоже будет.

— Хорошо, не хочешь подчиняться командирам извне — это твое право. Но эта девчонка? Что в ней особенного? Таких, как она, множество... Дело в Увейдате, да? Ему ты хочешь насолить, держа ее здесь? Ты говоришь, что мы все многое теряем в этой войне, но мне кажется, что нечто важное для тебя ты потерял еще до войны, и с этим как— то связан Увейдат... Я не знаю, что, но дело ведь в этом... Зачем именно он тебе? Он ведь не самый плохой из всех хиялов... Он далеко, в Дамаске, за сотню километров. Неужели нет врагов поближе? Но ты заказываешь именно его машину, а теперь пытаешься создать нереальную проблему именно из— за его женщины...

— Хватит,— отрезал Карим,— сегодня приедут новые люди, я с ними переговорю. По вопросу моей отчетности, не о ней. Я не буду подчиняться тем, кто и на войне— то не был нико-

гда, кто отдает мне и моим людям приказы, лежа на бабах.

– Ты тоже, я смотрю, себе в последнем не отказываешь, – подколот его Валид.

Карим усмехнулся, но промолчал в ответ.

– Как Малика? – словно между делом спросил Валид.

– Нормально, – сухо ответил Диб. Он понимал, что хитрый Валид каждое слово в этом разговоре подбирал не зря. За это он его и ценил как ближайшего помощника.

– Когда она приедет? – не унимался собеседник.

– Она приедет тогда, когда я ей скажу, – огрызнулся тот ему в ответ.

Валид только пожал плечами, взял снятый с плеча автомат и пошел внутрь дома. Почти у двери из-за спины он все же бросил Кариму:

– Все же поговори об этой русской с вышестоящими. Это тебе мой братский совет.

Не дожидаясь очередной яростной реакции Карима, он вышел прочь.

Карим снова со всей силы сжал кулаки. Он и сам колебался, не понимая, как лучше поступить. Все эти указания издалека тяготили его все больше и больше. Особенно обидно было терять своих людей, ничего не значащих для тех, кто руководит ими на расстоянии, словно пешками на поле. А еще эти наемники. Разве такой революции они хотели? Разве хотели они, чтобы к ним приехали чужаки со всего мира.

Они сражаются только ради денег и делают все, что хотят. Они присылают зеленых сопляков, которые не могут отличить снайперской пули от обычной. С этой армией они предлагают нам штурмовать Дамаск и Алеппо?!— гнев рос в нем все больше и больше. Но более всего его настораживало то, что с ростом его популярности среди населения эти шакалы стали видеть в нем конкурента. Все эти провокации, сплетни о его похождениях, большом количестве женщин и несоблюдении канонов ислама. Все эти ишаат (араб.— инсинуации) могли придумать только они, чтобы задвинуть его, Карима Дибба, куда—нибудь подальше, а лучше в забвение. Чтобы он сгинул в какой—нибудь канаве, чтобы потом сказать, что революция всегда пожирает своих сынов. Совсем недавно с перерезанным горлом был найден один из его соратников из Алеппо— и говорят, что это сделали отнюдь не люди режима, а свои.... Эти шакалы—наемники... Верить нельзя никому...

А еще Она упала ему на голову... Карим снова задумался о ней. Странно, но за последние часы его мысли то и дело возвращались к этой русской...— было в ней что—то такое притягательное, засасывающее, что понять он пока не мог... Нет, это не только аристократизм и образованность. Она ничем не уступает его Малике. Малика... Разве может она сравниться с его Маликой... Ради нее он поссорился с одним из самых близких своих соратников... Завистники высмеивают его, что она старше, не носит платок и ведет себя слишком смело... И она действительно в последний свой

приезд настолько его разозлила, что пока видеть он ее не желал, приказав сидеть в его тайном доме в ливанском Триполи. Его люди так и не смогли сломить наступление и перехватить инициативу... Просто удерживали занятые еще в первые месяцы успехов рубежи. Злость на происходящее почему-то распространилась и на Малику, которая с удовольствием подлила масло в огонь своим сварливым характером. Прошло уже больше месяца, но он все еще не хотел ее видеть, хотя все еще любил... Или не любил? Он сильно скучал, даже когда спал с другими... Эта тоска не покидала его... Но теперь эта русская...

Мысли Карима были прерваны появлением суетливой темной тени, деловито несущей таз с постиранным бельем. Он пригляделся- это была Мариям, Умм Валид (араб.- мать Валида) - русская мать его друга Валида, та, что была направлена к Владе.

- Умм Валид,- с уважением, но достаточно властно окликнул ее Карим,- таалу (араб.- идите сюда).

Та быстро поставила таз на землю и, семена, поспешила к мужчине.

- Кейфа (араб.- как она?)?- спросил он ее тихим голосом с достаточно сосредоточенным лицом.

Теребя свою абайю и смотря в пол, Мариям отрапортовала:

- Ну, она покушала, заснула...

- Хильв (араб.- хорошо),- еще тише произнес Карим,

словно опасаясь, что его слова кто– то услышит.

Мариям почтительно наклонила голову и хотела было вернуться к своему белью, но он окликнул ее уже со спины – Приготовьте ее. Завтра я буду ночевать в той комнате.

Та молча кивнула, не демонстрируя на своем лице никаких эмоций и засеменила прочь.

Оставшись один, Карим поднял голову на небо. В крошечной иссиня– черной тьме нежным слабым свечением горели звезды. Еще два года назад точно так же он смотрел на них с крыши своего дома в одной из окрестных деревень Хомра, мечтая о славе героя Сирии, подобно своему прославленному родственнику. Те же кувшины большой и маленькой медведицы... В детстве мать обещала ему, что если он будет хорошо себя вести, Аллах обязательно нальет ему из них самого вкусного молока на свете... Время шло, а молока все не было... Мать его обманула, а может, Аллах... – Карим думал обо всем этом и ему становилось все грустнее... Жизнь– жестокая вещь. И он должен быть жестоким...

Глава 6

Сумбурные картины прошедшего дня и ночи смешались в блуждающем сознании Влады в кашу. Вот, она падает в яму, но эта яма— багажник автомобиля. Потом вдруг появляется яркий свет— она пытается на него бежать, но к земле ее придавливает Карим. Он громко смеется, она смотрит на него и почему— то видит в нем черты Васеля. Еще секунда— и черты ее любимого становятся все более отчетливыми. А потом картинка снова какая— то неясная и размытая. И вот, она сидит в опере и слушает какую— то протяжную песню в плохом исполнении певца. Он пытается петь нараспев, старается. Но выходит как— то комично и крайне бездарно. По телу Влады словно бегут мурашки, ей очень плохо от этого пения, неприятные ощущения от которого усиливаются заметным ознобом.

Влада проснулась. За окном протяжно тянул мулла. Он еще не начал читать свою призывную к утреннему намазу молитву, а словно распевался, беря те или иные аккорды. Его пение было каким— то страдальческим, измученным. Как будто это дело давалось ему с большим трудом или же он переживал какую— ту тяжкую душевную драму. Наверное, так и читают молитву, когда ты на войне. Слишком много боли вокруг, слишком много смертей... В комнате было очень холодно. Шуфаж почему— то затух, а ворочаясь во сне, Влада,

видимо, раскрылась. Девушка прислушалась к звукам в доме— было заметно тише, чем тогда, когда ее покинул Карим. Но она все же различала шаги людей, тихие разговоры...

Влада снова тяжело вздохнула, понимая, в каком ужасном положении оказалась. Все это не было сном... Сюрреалистичным кошмаром, который оставляет неприятный осадок на душе, не покидающий тебя в течение нескольких часов после сна... Слез, однако, уже не было. Да и вообще плакать как— то не хотелось. Надо было думать, как выбираться из этого положения. Как жить дальше. С той унижительно драмой, которая уже успела нанести столь глубокую рану, но отнюдь пока не заканчивалась... Заснуть она больше так и не смогла. Светало— так она поняла, что проспала больше десяти часов— легла еще днем, а теперь был рассвет. Ее ждал новый день, исход которого предугадать было невозможно. И только одно она знала точно— этот амбициозный мудака, старше ее всего на пару лет, не сможет ее сломать... Никогда...

Солнце в то утро так и не постучало в их окна. — Бывает оно здесь вообще,— пронеслось у Влады в голове, когда она, наконец, разлепила глаза. На улице было немного сумрачно, словно все было покрыто дымкой или пылью. Свинцово— серое небо, тяжело нависающее над этим унылым местом, словно прижимало этот пессимистичный пейзаж к земле. В отдалении слышалась какая— то стрельба. Од-

нако расстояние, судя по всему, было неблизкое. Такие выстрелы можно было услышать и в центре Дамаска, когда в каком-нибудь из пригородов проводили спецоперацию. В комнате было очень холодно, а когда Влада высунула из-под одеяла ноги и коснулась ими пола, ее словно обдали ледяной водой из крана. Собравшись с духом, она, наконец, встала, одев свои туфли, так несуразно смотревшиеся в этой обстановке, и укутавшись в одеяло, пошла в ванную. Лампада еле-еле светила, доживая свои последние минуты, чем поспешила воспользоваться девушка, посмотрев на свое отражение в висевшем на стене зеркале. Картина, представшая ее взору, мягко говоря, была мало привлекательна. Под слабым тусклым светом она смогла разглядеть свои огромные синяки под глазами, от растекшейся туши и переживаемого стресса, доходящие почти до середины щек, спутавшиеся волосы, распухшее от слез лицо. –Вряд ли я понравлюсь ему в таком виде,– с сарказмом подумала она.

В этот момент в двери послышались повороты ключа. Влада не была к этому готова, поэтому быстро кинулась обратно на кровать, укутавшись с головой в одеяло,– меньше всего она хотела сейчас встретиться лоб в лоб со своим пленителем.

Но это оказался не он. С деловитым видом, внося поднос в комнату, зашла и поспешно захлопнула за собой дверь ее вчерашняя русская знакомая.

Все с тем же суетливым опекунским выговором она завела

свою трель:

– Доброе утро, дорогая. Хороший день сегодня. Тихо. Никто не стреляет, значит, никто не гибнет. Значит, всем хорошо.

Влада раздражено вздохнула, – говорите за себя! Мне, например, очень плохо, я хочу вырваться из этого чертового места!

Женщина только махнула на нее рукой, словно поспешила избавиться от назойливой мысли, и невозмутимо продолжала:

– И тебе станет хорошо сейчас, милая. Вот, поешь, подкрепись. Мне велено было тебя хорошо кормить, чтоб не отошала. А мы с девочками тебе сейчас ванную организуем, искупаем тебя, причешем, и будешь ты у нас красавицей.

– Что? – продолжала Влада все с более растущим негодованием. Оказалось, что сегодня сил противостоять этой даме у нее стало больше, чем вчера. – Как это вы меня искупаете? Что за бред? Тут даже воды нет – она отключена! И вообще, оставьте меня в покое, если ничем нормальным мне помочь не можете!

– Ах ты, дурочка – дурочка, вместо того, чтобы ругаться, лучше бы попокладистой стала, поприветливее. Что ж ты такая бука – то? Как сыч, ей богу.

– Оставьте меня в покое! – прокричала на нее Влада и сложила руки на груди, явно демонстрируя, что не хочет ни есть, ни вступать в дальнейшие дискуссии.

Лицо Марии Павловны стало серьезным, она нахмурилась и пробурчала:

– Не хочешь по– хорошему, будет тебе по– плохому. Велено тебя, чумазую, отмыть– отмоем. Ничего, придут сейчас девочки, посмотрим, как ты запоешь... Они– то свое дело знают... И она проворно повернула ключ в двери и вышла..

Влада с удивлением слушала все, что говорит эта русская женщина, имя которой она вчера вечером не запомнила – и никак не могла понять, как это все возможно. Как возможно тут, посреди окопавшегося района Хомра, где давно отключили электричество и водоснабжение, говорить о каких– то ваннах? И вообще, зачем это все?

Мысли ее, однако, снова вернулись к реальности, когда ключ в двери опять повернулся. На этот раз вместе с Марией Павловной в комнату вошли еще три женщины– две молодые и худые, вернее такие, жилистые, а замыкала эту процессию отвратительная толстая женщина– китиха, с которой накануне Влада имела «счастье» познакомиться...

Женщины не спеша зашли внутрь, закрыли за собой дверь и одновременно обратили свои взоры на Владу. Мария Павловна что– то умело и тихо нашептывала им на мало понятной местной аммии (араб.– диалект), кивая в сторону бедной распластанной на кровати девушки. При этом китиха одобрительно кивала, присвистывая и причмокивая, в то время как молодые смотрели на пленницу враждебно и с нескрываемой противоречивой смесью зависти, презрения, недове-

рия и любопытства. С настороженным вниманием, полусидя на кровати, обмотанная, как в кокон, на эту процессию взирала Влада. Семеня ногами, в ее направлении медленно поплыла китиха, при этом ее огромный живот двигался по своей собственной, хаотичной траектории.

Вдруг она вытащила из кармана веревку— еще секунду— и от ее нелепых медленных движений не осталось и следа, китиха проворно закрепила веревку у изголовья кровати, обмотав о перекладину, служащую единственным украшением этой кровати. Не успела Влада начать сопротивляться, как к ней подскочили две другие женщины помоложе, оперативно схватили ее за руки, при том, с силой, о существовании которой вряд ли можно было догадаться по их субтильной комплекции. Они быстро и эффективно помогли старухе умело примотать руки брыкающейся девушки к кровати. Всего за какие— то считанные секунды Влада оказалась прикованной к изголовью кровати, и, несмотря на все отчаянные попытки вырваться, не могла справиться с умело завязанными узлами, больно врезающимися в ее руки. На ее запястьях и так остались синяки от вчерашней бечевки...

Тем временем Мария Павловна распахнула входную дверь, у которой уже стоял какой— то гигантский чан. Видимо, его принесли заранее. Она и две другие молодые женщины быстро зашли в ванную, выйдя оттуда с тремя ведрами, которые Влада, почему— то не заметила, когда ранее заходила туда. Видимо, процедура вот такого «купания» здесь была

неновой. Каждая из них умело зачерпывала ведром из чана воду, быстро заноса ее в уборную и наливая в ванную. Влада поняла это по звукам. В это время китиха взяла стоявший у двери полиэтиленовый черный пакет, принесенный ими, и стала доставать оттуда разные предметы, назначение многих из которых было известно Владе.

Бутылка с жидким оливковым мылом, кииса— специальная перчатка с абразивом из конского волоса, используемая в традиционных арабских хаммам, белые платяные бинты, свеча, зажигалка, маленький металлический круг, который Влада где— то видела, но не могла вспомнить, где.

Все еще таскающая с другими женщинами воду Мария Павловна заметила, что взгляд Влады прикован к содержимому пакета и между делом бросила на русском:

— Умм Бушер всю жизнь проработала в хаммам. Она все знает о том, как приготовить женщину.

К чему приготовить? О чем она говорит? Что это за цирк? Что за странные предметы,— Влада с ужасом и раздражением взирала на происходящее вокруг нее, ощущая себя попавшей в какой— то голливудский фильм о людоедах, готовящих жертву к трапезе.

Зачерпнув последнее ведро воды, Мария Павловна снова захлопнула дверь и повернула ключ. Две молодые женщины с беспристрастным видом подошли к недоумевающей Владе и умело отвязали ее руки, однако не для того, чтобы освободить. Они с той же несвойственной для их внешнего вида

силой подняли ее сопротивляющееся тело с кровати и потащили в ванную.

Там уже с новой силой горела лампада, от заполненной водой ванной исходили клубы пара. Дверь в уборную закрылась. В помещении остались только толстая женщина, названная Марией Павловной Умм Бушер. Сейчас Влада вспоминала, что так ее называл и Карим. Еще две молодых арабки. Сама Мария Павловна суетилась в спальне. Толстая женщина не спеша подошла к девушке и с силой сорвала с нее простынь, которую на ходу успела стащить с кровати Влада, чтобы хоть как-то скрыть свою наготу перед посторонними. И вот, она предстала перед троицей совершенно голой. Те оценивающе стали ее изучать, отчего Влада почувствовала, как щеки ее загораются от стыда и унижения. Она быстро попыталась прикрыться, но женщины не обратили ни малейшего внимания на ее попытки. Умм Бушер показала пальцем Владе на ванную, дав понять, чтобы она лезла в воду. Девушка повиновалась, понимая, что сопротивление тут бесполезно, к тому же вода служила единственным спасением от их испытующих взглядов. Погрузившись в источающий пар кипяток, Влада почувствовала, как по ее коже пробежали сотни тысяч раскаленных иголок, но это не затмило чувства удовольствия от соприкосновения тела с нежной, обволакивающей жидкостью, которая словно уносила Владу далеко-далеко. Вода истончала какой-то приятный запах от добавленных в нее благовоний. Она забылась, стараясь не

обращать внимание на суетящихся вокруг женщин. Ощущение расслабленности и умиротворения, так недостающих все это время, помогли ей отключиться от реальности, однако, ненадолго. Уже через минуту одна из ее банщиц пристроилась к ее голове и грубо начала намыливать волосы оливковым мылом, не обращая внимание на то, что стекающие по лбу девушки вспененные потоки сильно щиплют глаза. Тем временем китиха что есть мочи умеючи начала скрести кисой по телу Влады. Ощущение было не из приятных, особенно в свете того, что ни одна из них и не пыталась быть деликатной и никак не церемонилась с Владиными ощущениями.

Когда первая стадия пытки была закончена, девушку подняли на ноги, обернули в большое платяное полотенце и вывели из ванной. В комнате было на удивление тепло— пока проходили банные процедуры, Мария Павловна включила шуфаж, а также расставила несколько лампад и свечей. Владу подвели к кровати и также умело привязали ее руки обратно к изголовью. Вышедшая последней из ванной Умм Бушер подошла к вываленному из пакета на трюмо содержимому и взяла тот самый странный металлический диск. Влада пригляделась и вспомнила— именно такие продаются на рынке Хамидия. Китиха не прикасалась к нему руками, а подцепила его железными щипцами и поднесла к одной из толстых свечей, разожженных Марией Павловной на трюмо, так, что пламя было под диском.

– Воск, – подумала Влада и сердце ее упало в пятки. Больше всего на свете она ненавидела восковую эпиляцию, болезненную даже в условиях элитного салона красоты, не то, чтобы в таких полевых в буквальном смысле условиях.

Тот начал быстро шкворчать и булькать, превращаясь в подвижную раскаленную массу. Китиха убрала диск подальше от огня и оставила на пару минут – схватиться. Поспешившие ей на подмогу женщины быстро разрезали полотняный бинт на кусочки по 15– 20 сантиметров. Воск на диске был все еще жидким, но скорее в состоянии крема, чем воды. С ножом в руках и тряпками они толпой подошли к Владе. Одна из молодых банщиц крепко зажала ей ногу на уровне ступни. Умм Бушер умело намазала на нож горячий воск и, словно масло по хлебу, вмиг распределила его по ноге Влады. Тут же сверху него прилепили полотняную тряпку. Адское орудие для «красоты», придуманное арабками, больно жгло кожу, но когда оно застыло и Умм Бушер с силой отодрала кусок материи от кожи Влады, та заорала от боли, словно ее облили кипятком. Женщины переглянулись и захохотали. Одна из них даже издала характерный гортанный звук, который они делают с использованием языка. Влада называла его «улюлюканьем». Оно служило своего рода выражением любой эмоции этих женщин – радости, грусти, удивления... Его использовали на свадьбах, на похоронах, при рождении ребенка, при женских посиделках, в том числе и в хаммамах. Конечно, образованные высокородные арабки

не позволяли себе издавать подобные трели, но среди деревенских жительниц эта традиция передавалась из поколения в поколение, при том, не только в Сирии, но почти во всех арабских странах.

Умм Бушер что— то проговорила на неразборчивом для Влады, совсем народном наречии, и оскалилась. Такой же была реакция на ее слова и у других женщин.

Мария Павловна, усевшаяся в голову к Владе расчесывать ее волосы, перевела ей: Умм Бушер говорит, что женщина мусульманина должна быть без единой волосинки. А еще она сказала, что ты будешь горячей в постели— когда невестам перед свадьбой убирали волосы, смотрели на ее реакцию— если она кричала и билась, то мужчину ожидала тигрица, если же молча терпела— холодная рыба. — Она тоже оскалилась, с силой вычесывая очередной ковтун в спутавшейся шевелюре Влады.

Сама девушка не знала, куда ей деваться от разрывающей ее с одной стороны боли, а с другой— раздражения и возмущения. Ее готовят для развлечения этого козла!!! Словно она рабыня из Средневековья, а не современная независимая женщина. Девушка снова начала брыкаться и вырываться, но ее попытки были совершенно напрасны. Веревки у изголовья и руки молодых помощниц толстой матроны не давали ей возможности вывернуться от ее нестерпимой экзекуции.

Когда, наконец, от лишней растительности было избавлено все ее тело, руки Влады освободили, подняли ее с крова-

ти и привязали к железной палке у окна, с помощью которой раскрывались и закрывались железные жалюзи, так популярные в арабских домах. На нее накинули полотенце, чтобы прикрыть наготу. В это время женщины коллективно стали застилать новую постель. Влада стояла привязанная у окна, чувствуя себя разбитой, униженной и беспомощной. Она посмотрела наружу и увидела, как во внутренний двор дома, на который окна и выходили, въехал маленький белый топик (араб.— микроавтобус), каких миллионы шныряют по всей Сирии. Через мгновение к авто из дома вышли двое мужчин в форме с оружием, в одном из которых Влада узнала Карима. Его мощная фигура возвышалась над всеми остальными. Дверь топика открылась— и оттуда выпрыгнули пять— шесть мужчин в штатской одежде, лица которых было не разглядеть, как, впрочем, и номера автомобиля. Зная, как выглядят сирийские номерные знаки, Влада поняла, что машина была сирийской, но вот название города, где она зарегистрирована, который всегда пишется на металлической пластине, было заляпано грязью. Карим стоял лицом к приехавшим и оживленно о чем— то с ними беседовал. Казалось, они не спешили заходить внутрь дома, то ли чего— то ожидая, то ли что— то обговаривая. В диалог вступил спутник Карима, который стал показывать рукой в сторону города. В это время Карим внезапно резко обернулся назад и поднял голову к окнам, где сидела Влада. Она тотчас спряталась за стеной, надеясь, что он ее не заметил. Что заставило его посмотреть

именно туда, где стояла она? Неужели в силе ненависти ее взгляда столько мощи?

Через минуту ее отвязали от железной палки и опять примотали руки веревкой к изголовью кровати. К ней снова подошла Умм Бушер и бесцеремонно стала обмазывать ее тело каким-то ароматным маслом. Ее жирные руки коснулись не только кожи Влады, но и ее сокровенных мест, при том Умм Бушер ехидно прихихикивала под одобрительные улюлюканья ее помощниц, которые тем, временем, в очередной раз наполняли ванную водой из бака, поставленного снаружи у комнаты.

Голова Влады закружилась от очередного прилива ярости, которая, однако, почему-то стала уступать место странной слабости. Она не помнила, когда ее мучительницы покинули комнату, провалившись в какую-то полудрему, словно голова была одурманена.

Глава 7

Карим стоял во дворе с приехавшими новобранцами, но все его мысли были обращены к предвкушению предстоящей ночи, которую он собирался провести с русской. Он так и не мог перестать о ней думать, как бы ни заставлял себя отвлечься... За последний год он поимел столько женщин— шлюх и недотрог, красивых и не очень, умных и глупых, богатых и бедных... Он с легкостью смог затащить в постель многих иностранных журналисток, приезжавших в Хомр снимать репортаж про революцию... Они все теряли от него голову. Молодой, красивый, смелый, с оружием— что еще нужно женщине от самца? Но почему его тянуло именно к ней... Может, это ее непокорность?— думал он... Пытался вспомнить, как все было с Маликой... Нет, было иначе... Чувства к ней предельно понятны и ясны— увидел— захотел— получил, а с этой русской было все шиворот— навыворот. Пассивная ненависть переплетались с неуместной жалостью, искренний интерес с неизбежным презрением... В любом случае, он скоро наиграется, тогда можно будет подумать и о выигрыше от такой заложницы. Карим много раз анализировал ее похищение. Вряд ли Увейдат смог так быстро вычислить, что это были именно его люди, тем более, он даже сам не планировал получить от него такой «подарок». Изначально ему нужна была только машина сукиного сына

для инсценировки одной провокации... Значит, пока запас времени все же есть... Но если Увейдат все уже вычислил, даже лучше. Он будет кусать свои проклятые локти, думая, что Карим трахает его женщину, но сделать ничего не сможет. Владу можно было освободить, только нанеся поражение Кариму и его отряду, но сделать это пока никому так и не удалось... Мужчина отогнал мысли о том, что будет после. Есть сейчас, есть пока... И это «пока» она будет только его, только он будет иметь на нее права. С этой твердой мыслью он решил не поднимать тему о русской с иностранными кураторами, что ему настоятельно советовал сделать Валид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.